

Вадим Нестеров

ЖИЗНЬ ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ — 2

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ТА 2

18+

Жизнь примечательных людей

Вадим Нестеров

**Жизнь примечательных
людей. Книга вторая**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Нестеров В.

Жизнь примечательных людей. Книга вторая / В. Нестеров — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Жизнь примечательных людей)

Они были. Кого-то помнят, кого-то забыли. Исторические миниатюры о людях, хороших и не очень. Но обязательно реальных. Новые очерки добавляются два-три раза в неделю. Иллюстрация на обложке Ильи Комарова, используется с разрешения автора. Но только в одном очерке и не мою. Сам я ею не пользуюсь. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Мажор из страны Насреддина	5
Глава 2. "Одиссея капитана Блада" и резиденты НКВД	7
Глава 3. Мао Цзэдун – большой шалун	9
Глава 4. Человек с ошибкой в фамилии, или Первая Донцова русской литературы	13
Глава 5. Человек, назначивший Сталина единственным читателем	15
Глава 6. Борис Заходер – поэт, которого мы не заметили	17
Глава 7. Машинисты, секретарши, милиционеры и другие государственные деятели	19
Глава 8. Как Унгерн Будду украл	22
Глава 9. Генерал Шкуро в роли турецкого султана	23
Глава 10. 60 про 47	24
Глава 11. «Когда придешь домой в конце пути...»	26
Глава 12. Жил на свете рыцарь бедный	29
Глава 13. Как мальчик для удовольствий стал королем	31
Глава 14. Стиляга высокого стиля	33
Глава 15. Группа "Ласковый май" как зеркало СССР	35
Глава 16. О крысах и тиграх или Обезумевшая школоты	38
Глава 17. Как хоронили Вячеслава Тихонова	40
Глава 18. Почему из Охлобыстина не получился священник	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глава 1. Мажор из страны Насреддина

Многие уже забыли, но в начале XX века на карте мира существовал эдакий реликт средневекового Востока под названием Бухара.

Это карликовое государство формально находилось под протекторатом Российской империи, но де-факто потребности урусов были невелики – эмиру пришлось разрешить им провести железную дорогу через свою территорию, да периодически откупаться от неверных небольшой частью налогов. А в остальном – жили так же, как и несчитанные поколения предков – тенистый дворец эмира, глинобитные дувалы, гаремы, арыки, павлины, караван-сарай... Со времен Насреддина не поменялось почти ничего.

Революцию в Бухаре почти не заметили – свергли белого царя? Нам же лучше – будем теперь полностью самостоятельными. Так и случилось – большевики признали независимость ханства и отменили соглашение о протекторате России. И все бы хорошо, если бы не золотая молодежь. Во всех странах периодически заводятся эти жучки, которым в процессе траты папиных денег идеи начинают в голову приходить. Помотаются по заграницам, вернуться в родные пенаты – и ну ныть. Нет, мол, у нас культуры, весь мир движется в светлое будущее, а здесь недвижимый пруд, тиной подернутый. Надо быстро построить новый мир, с блэкджеком и шлюхами.

Появились такие и в Бухаре, и обозвали они себя «младобухарцами» – по аналогии с «младотурками». Одной из самых заметных фигур среди младобухарцев был Файзулла Ходжаев – мальчик из очень хорошей семьи. Сын одного из богатейших людей Бухары, купца-миллионщика, сделавшего состояние на экспорте каракуля. В 11 лет Файзулла вместе с отцом уехал в Россию и несколько лет жил и учился в Москве. Потом отец умер, осиротевший наследник вернулся на родину, и естественно, после кипящей Москвы в сонной Бухаре быстро заскучал.

Включился в движение младобухарцев, и мутили они воду до тех пор, пока последний эмир Сеид Алим-хан, обеспокоенный шевелением, смутьянов малость подрепрессировал. Обиженные младобухарцы решили заставить эмира провести реформы силой, используя военные ресурсы утвердившихся в Туркестане большевиков.

Ставшим к тому времени безоговорочным лидером Файзулла тайно выехал на переговоры с председателем Совнаркома Советского Туркестана Федором Колесовым и убедил таки его, что пора делать мировую революцию, и присоединить к братству пролетариата многострадальный народ Бухарского эмирата. В итоге в марте 1918 г. Колесов с крупным военным отрядом перешел границу, занял город Каган, и совместно с Ходжаевым направил эмиру ультиматум: «Распустить существующее при Вас правительство и назначить на его место Исполнительный Комитет младобухарцев».

Обеспокоенный эмир вроде как согласился, начал переговоры, но на деле, как выяснилось, тянул время, собирая собственные силы. А подтянув войска, решил дело по-восточному просто – большевистская делегация, прибывшая в Бухару для ведения переговоров, была изрублена саблями в мелкие куски, в самой Бухаре ударно провели резню младобухарцев, сочувствующих и – на всякий случай – всех, получивших европейское образование и читающих газеты. Общим количеством к гуриям и шайтанам отправили порядка тысячи пятисот человек. А на отряд Колесова двинулась армия эмира в сопровождении десятков тысяч вооруженных чем попало людей, жаждущих покарать кяфыров, тупо забив их кетменями.

Сперва большевики с младобухарцами попытались сопротивляться. Вот как описывал события сам Ходжаев: *«Единственным нашим преимуществом перед эмирской армией было наличие у нас артиллерии европейского образца. Мы и решили это преимущество использо-*

вать и начать обстрел Старой Бухары, заставив этим эмира прекратить наступление, а также подействовать на толпу, создав панику в городе.

Обстрел начался и продолжался на протяжении нескольких часов, но никаких результатов не дал. Как потом выяснилось, ни один наш снаряд не попал в город. Этот странный и печальный для нас факт был тотчас же использован муллами как доказательство помощи Аллаха и Магомета, не допустивших, чтобы артиллерия неверных и отступников ислама – младобухарцев, разрушила "святую Бухару". Аллах и Магомет, по словам мулл, защитили от снарядов верующих и эмира.

Наконец, иссякли снаряды. Ничего не оставалось больше, как отступить, и Колесов приказал начать отход в сторону Ташкента».

Дальше не очень интересно – бегство как бегство. Отступление примечательно лишь тем, что колесовцы пограбили в посёлке Кермине (ныне Навои) бухарских евреев, и остались на скрижалях как организаторы единственного за всю историю Средней Азии еврейского погрома.

Надо добавить, что «золотой мальчик» оказался человеком упорным. После "колесовских событий" Ходжаев был приговорен эмирским правительством к смертной казни. Из Ташкента уехал в Москву, по дороге был арестован правительством атамана Дутова, сидел в Оренбургской тюрьме. Был освобожден, добрался-таки до столицы, работал в Москве.

Бежав в Россию и сведя там знакомства с братьями-мусульманами, одержимыми идеей строительства нового мира (прежде всего – с башкирскими и татарскими коммунистами), вступил в партию и через два года уговорил большевиков повторить попытку. Вот только войсками теперь командовал не Федор Колесов, недавний конторщик на ташкентской железной дороге, а военный "вундеркинд" красных Михаил Фрунзе.

Это профессиональный революционер, неожиданно оказавшийся не просто неплохим, а очень талантливым военачальником, полководцем милостью божьей, выбил эмира из древнего города как пробку из бутылки. Эмир бежал в Афганистан, а Бухара стала советской.

После того, как власть эмира была свергнута, Файзулла Ходжаев в ноябре 1924 года стал председателем Совета народных комиссаров Узбекской ССР, а с 1925-го одновременно одним из председателей ЦИК СССР.

Карьера высокопоставленного советского функционера закончилась так же, как и у многих его товарищей – Ходжаев был арестован НКВД, обвинен в организации националистического заговора, направленного на свержение советской власти в Узбекистане, и приговорен к расстрелу 13 марта 1938 года.

А вот его подельник по несостоявшейся бухарской революции Федор Колесов карьеры не делал и высоко не летал. Бывший конторщик закончил Московский архитектурный институт, мирно трудился архитектором и тихо умер в собственной постели в 1940 году.

Глава 2. "Одиссея капитана Блада" и резиденты НКВД

"Нормальное такое название! – скажут читатели этой книги. – Какая может быть связь между легендарной книгой, которой в советское время зачитывались абсолютно все мальчишки и некоторые девчонки, и резидентами внешней разведки Народного комиссариата внутренних дел?"

Связь прямая. Вторые познакомили мальчишек и девчонок с первой. Или, если сказать проще, переводчиками книги являются бывший резидент советской внешней разведки в Мексике **Лев Василевский** и бывший резидент в Англии и США **Анатолий Горский**.

Это матерые волчары шпионажа на пенсии так развлекались. Ачотакова?

Языком владеют – дай бог каждому. Почему бы и не познакомить мальчишек и девчонок Советской страны с ирландским врачом Питером Бладом, ставшим капитаном пиратской флотилии, его возлюбленной Арабеллой, бешеным полковником Бишопом, французским пиратом Левасером и многими другими персонажами, чьи похождения мы в свое время выучили наизусть.

Мы всегда знали название книжки, реже – помнили автора, очень редко знали художника-иллюстратора и почти никогда не обращали внимания на фамилии переводчиков. А зря.

По традиции – короткая справка:

Василевский, Лев Петрович. Оперативный псевдоним – "Тарасов", советский разведчик, полковник госбезопасности.

Работал слесарем и электромонтером, служил в погранвойсках. После окончания авиашколы, был назначен на должность командира-комиссара отдельной авиачасти Управления пограничной и внутренней охраны УНКВД Казахской АССР на границе с Китаем, в районе Синыцзяна. Там и началась его биография разведчика.

В 30-х годах – в Испании, командир разведывательно-диверсионной группы, старший советник Особого отдела Мадридского фронта. Участвовал в ликвидации Льва Троцкого, за эту операцию награжден орденом Красного Знамени. Во время войны – заместитель резидента НКВД в Анкаре, затем резидент НКГБ в Мехико.

После войны – начальник научно-технической разведки НКГБ СССР, заместитель начальника разведывательного бюро по атомной проблематике. Сопровождал Якова Терлецкого в Копенгаген на встречу с Нильсом Бором.

С 1947 года – на пенсии, в 1954 году в связи с делом Берии исключен из партии и лишен воинского звания, пять лет спустя восстановлен в КПСС и звании полковника. На пенсии занимался литературным трудом и переводами, автор книг «После Зорге», «В оккупированном Париже», «На земле Монтесумы», «Дни и ночи Мадрида», «Испанская хроника Григория Грандэ» и др.

Умер в 1979 году.

Горский, Анатолий Вениаминович. Оперативный псевдоним "Вадим", советский разведчик, полковник госбезопасности.

В органах ОГПУ с 1928 года, с 1936 года переведен во внешнюю разведку и направлен в Англию в качестве шифровальщика. Незадолго до войны был назначен резидентом в Лондоне.

Под его руководством находилось около двадцати агентов, в том числе Кембриджская пятерка. С 1944 года – резидент в США. После того, как Элизабет Бентли сдалась ФБР, Горский, которого она знала под именем «А1», вместе с другими разведчиками был срочно отозван в СССР.

С 1946 по 1950 годы – начальник первого отдела Управления внешней разведки МГБ.

На пенсии занимался переводами с английского, как правило, приключенческих и остро-сюжетных романов. Кроме Сабатини, переводил Герберта Уэллса, Артура Конан Дойля, Рекса Стаута, Джека Лондона и других.

Умер в 1980 г.

Глава 3. Мао Цзэдун – большой шалун

«Мао Цзэдун – большой шалун» – это, пожалуй, единственное, что советский человек знал о вожде китайской революции с полной уверенностью. Биографиями разругавшегося с Советским Союзом великого кормчего нас не баловали, поэтому до прочих подробностей жизни вождя китайского народа приходилось докапываться. Полезно попадалось мало – либо скулосворачивающие пропагандистские брошюры, испещренные шипящими словами вроде «ревизионизм» и «гегемонизм», либо всякие забавные байки. Вроде «последнего китайского предупреждения», четырех жен, истребления воробьев, заплывов «по забитым фекалиями рекам Китая» и смелых заявлений (с соответствующей жестикуляцией): «Для меня главное, чтобы каждому китайцу что-то попадало сюда и что-то выходило отсюда».

Не то сейчас. Биографий «председателя» издали великое множество – от претендующего на объективность "Мао Цзэдуна" Филипа Шорта до субъективного по определению «Мой отец Мао Цзэдун» его дочери Ли Минь. Проблема лишь в том, что большинство этих изданий были, как бы это помягче – не слишком академическими и слишком компилятивными. Так, ликбез на подхвате.

И этому есть понятное объяснение – всерьез изучать биографию председателя Мао не рвался никто.

Вернее так – везде этому препятствовали политические причины. Непредвзятых не осталось. В Китае, понятно, занимались лакировкой действительности. В социалистическом лагере, напротив, обличали изменников делу социализма и выпускали клеймящие маоистов работы вроде книги Владимирова и Рязанцева «Страницы политической биографии Мао Цзэ-дуна» или биографического исследования Федора Бурлацкого с говорящим названием «Мао Цзэдун. "Наш коронный номер – это война, диктатура..."». В капиталистическом мире тоже не все было благополучно – с одной стороны, вроде как коммунисты, но и ругать особо не с руки – слишком уж часто Запад заигрывал с КНР, используя ее как противовес советскому блоку. Все преследуют свои интересы, а объективности не дождешься ни от кого.

Однако времена изменились, глобальное противостояние ушло в прошлое и любопытствующие с надеждой упования принялись ожидать серьезных, отстраненных и взвешенных работ, не изуродованных политической конъюнктурой. И вот они, вроде бы, появились – в 2007 году практически одновременно в России вышли две академические биографии вождя, каждую из которых аттестовали исключительно в восторженных тонах.

Первая – это «Мао Цзэдун» Александра Панцова, вышедшая в серии ЖЗЛ – огромный, почти 900-страничный том.

Особые надежды внушало имя автора. Александр Вадимович Панцов – далеко не последнее имя в отечественном китаеведении. Рекомендации прекрасные: доктор исторических наук, профессор Капитолийского университета в США, тридцатилетний научный стаж, множество весьма достойных работ вроде «Тайной истории советско-китайских отношений». Издательство аттестовало книгу как «самое полное и объективное издание, написанное о Мао Цзэдуне», обещало неизвестные ранее факты, раскопанные автором в закрытых ранее фондах российских и китайских архивов, и обнадеживало: «Это уникальное по своей масштабности и информативности издание будет лучшим в ряду книг о «великом кормчём» Поднебесной.

Вторая работа не особенно и нуждается в представлении. "Неизвестный Мао" Джона Холлидея и его супруги Юн Чжан – действительно международный бестселлер.

Первые места в книжных чартах самых известных изданий, перевод на два десятка языков мира, множество читателей, в число которых затесался даже Джордж Буш-младший. Книга

писалась более десяти лет на основе данных из архивов КНР, Тайваня, США, Великобритании, Японии, Германии, Италии, Албании, Швейцарии – всего создатели книги прошерстили архивы двадцати стран. Плюс – 400 интервью с гражданами КНР и представителями почти 40 государств мира. В их числе родственники, старинные друзья и коллеги периода 1910-1920-х годов, подруги, секретари, телохранители и врачи Мао, правитель Маньчжурии маршал Чжан Сюэлян, духовный лидер Тибета Далай-лама, президенты США Джордж Буш-старший и Джеральд Форд, государственный секретарь США Генри Киссинджер, замминистра иностранных дел СССР Михаил Капица и многие другие. Вдвоем потянуть такую работу, естественно, невозможно, поэтому, помимо авторов, «над книгой трудились исследовательские группы историков и ученых разных стран».

В общем – сверхмасштабный проект, породивший увесистый (на 800 страниц) и действительно очень нашумевший труд. В полном соответствии с названием нам опять обещали сенсационные и ранее неизвестные подробности о жизни китайского вождя. Настолько сенсационные, что правительство КНР запретило не только издавать «Неизвестного Мао», но и препятствует переводу любых публикаций об этой книге.

Казалось бы – пора бить в ладоши, кричать от радости и благословлять отечественных издателей.

Увы, эйфории не случилось. Дело даже не в том, что «Центрполиграф» по своему обыкновению продемонстрировал полное непонимание отличия научной монографии от романов Дарьи Донцовой и выбросил из отечественного перевода не только всю библиографию, но и часть комментариев.

Нет, все гораздо хуже.

С самого начала несколько смущало обстоятельство, не афишируемое издательством – книгу Джона Холлидея и Юн Чжан бойкотирует не только КНР, но и де-факто весь китайский мир. Так, издание этой книги у себя в стране запретил не только Пекин, но и Тайбэй, единственное китайское издание вышло в Гонконге. Сразу возникает вопрос – что же такого надо было написать, чтобы книгу о Мао Цзэдуне запретили на Тайване, заселенном потомками его злейших врагов?

Все вопросы снимает чтение книги. Пересказать ее можно в нескольких словах – Мао Цзэдун – доверенное лицо Сатаны на Земле, а все зло в мире произошло при его непосредственном участии. Он устроил тоталитарнейшее государство на Земле, не имеющее аналогов ни в прошлом, не в будущем, не в настоящем. Именно Китай, а не сталинский СССР даже, был исчадием ада на Земле. Общее количество погибших только от голода за 27 лет его правления авторы оценивают немислимой цифрой в 70 миллионов человек. Правда, на основании каких данных авторы пришли именно к такому количеству – не очень понятно. В тех редких случаях, когда создатели «Неизвестного Мао» снисходят до объяснений, мы слышим что-то вроде: *«В одном типичном китайском городе Гаояо 110 человек были доведены до самоубийства. Если экстраполировать эту цифру на все более чем 2 тысяч китайских округов, то число самоубийств в сельских районах за этот короткий период достигло приблизительно четверти миллиона».*

Что уж говорить о создателе этого людоедского режима? Невероятным образом он сочетал в себе все известные и только предполагаемые человеческие пороки.

По версии авторов, Мао был не просто ничемным политиком, угробившем все, что только можно угробить, и навредившим везде, где только можно навредить, но и препоганейшим человеком. Очень характерна фраза Джона Холлидея на недавней российской презентации книги: *«Соратники Мао считали, что работать с ним невозможно. Он был деспотичен, неприятен в общении, груб. К тому же он был занудой и брюзгой».*

Нет ни одного слова о Мао, пусть даже самого сомнительного, который авторы не процитировали бы у себя. Поэтому прочитавшие книгу могут добавить – а еще он был манья-

ком («непосредственно наблюдая акты насилия, Мао испытывал своего рода экстаз»), аморальным типом (бросался на всех женщин, оказавшихся в пределах его видимости, после чего любовниц уничтожал), лодырем (весь знаменитый Великий поход проехал на носилках), ну и на сладкое – *«весьма редко мыл голову и чистил зубы. А души и ванну и вовсе не принимал десятилетиями»*.

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй.

Если и появляется в книге что-то светлое, то можно биться об заклад – это отблески сияния Соединенных Штатов Америки: «Мао также волновала привлекательность Запада в глазах членов его собственной партии. Его армия любила американское оружие: его собственные телохранители считали, что американские карабины гораздо лучше советских автоматов. *«[Американские] карабины легче и стреляют точнее. Почему бы не закупить побольше карабинов?»* – просили они Мао. *Американские машины внушали благоговение»*.

Резюме незамысловато – агитка.

Кондовойшая, просто какая-то неправдоподобная в своей несусветности агитка. Ей-богу, заскорузлый советский агитпроп и тот работал тоньше. Не случайно даже в западных изданиях рецензенты пытаются напомнить авторам, что кроме черной, существуют и другие краски: *«Благодаря Чан и Хэллiday мы узнали много нового о чудовищных преступлениях Мао. Но даже чудовища порой способны делать благо – пусть неосознанно, при осуществлении совсем других целей и стремлений. – пишет Уилл Хаттон в "The Guardian". – История человечества полна противоречий и непредвиденных результатов. Рецензируемая книга – да и наше понимание ситуации в Китае – только выиграли бы, если бы авторы учли это обстоятельство»*.

Никто не спорит, что Мао вовсе не был ангелом на Земле, и преступлений за ним числится немало, но почему-то даже дважды посаженный им Дэн Сяопин в итоге заявил, что *«в своей политике Председатель был на 70 процентов прав и лишь на 30 процентов ошибался»*. Здесь же – ничего, кроме этих 30%.

«Неизвестный Мао» если и заставляет о чем-то размышлять, то разве что об изменениях в сегодняшней геополитической расстановки сил и соответствующей корректировке пропагандистского «огня по штабам».

Что же касается работы Александра Панцова, то она, без сомнения, более выдержана.

В этой книге Мао отнюдь не сосуд греховный, а живой человек – сомневающийся, ошибающийся, страдающий даже. Поэт, между прочим – Александр Панцов всерьез считает «великого кормчего» очень талантливым стихотворцем и стихи Мао в авторском переводе красной нитью проходят через всю книгу. Создатель КНР описан хоть и без особой приязни, но, по крайней мере, без безудержного нагнетания страстей и повторения сомнительных анекдотов.

Но у этой книги другая беда. Ей подкузьмили те самые «закрытые архивы».

Дело в том, что Александр Вадимович оказался одним из первых исследователей, проравшихся в рассекреченные фонды Коминтерна. И при написании книги автором владело понятное желание ввести все найденное в научный оборот. В книге непропорционально много говорится о международном коммунистическом движении и помощи, получаемой КПК из Советского союза. В итоге складывается странная картина – жила себе компартия Китая – нежизнеспособное образование, существование которой поддерживалось исключительно помощью извне. Если бы не советская помощь – давно бы загнулась, потому как сами китайские коммунисты только и умели, как разорять крестьян, да выяснять отношения между собой. А потом – р-р-раз! И вынесла из страны Гоминдан, превосходящий ее по всем параметрам, встав во главе четверти населения Земли.

Недоумевающему читателю остается только сидеть с ошарашенным лицом – Как?! Почему?! Не дает ответа.

Напрягает и то, что чем меньше становится советское влияние в Китае, тем торопливее автор. Период после 1949 года вообще дан скороговоркой, так, «культурной революции» автор «Мао Цзэдуна» выделил не более десяти страниц в своем почти тысячестраничном томе.

Как ни жаль, но приходится резюмировать, что полноценной и непротиворечивой биографии Мао Цзэдуна у нас до сих пор нет. Как впрочем, нет и жизнеописаний Дэн Сяопина, Ким Ир Сена, Хо Ши Мина и многих других если и не замечательных, то весьма примечательных людей.

Подождем. Свято место пусто не бывает.

А. Панцов. Мао Цзэдун. М.: Молодая Гвардия, 2007

Ю. Чжан, Д. Холлидей. Неизвестный Мао. М.: Центрполиграф, 2007

Глава 4. Человек с ошибкой в фамилии, или Первая Донцова русской литературы

Если вы не филолог, вы почти наверняка не знаете, кто такой Матвей Комаров. Но про его книгу вы точно слышали. Советские школьники вообще наизусть учили риторические вопросы Некрасова:

*Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?*

Роман про "милорда глупого" и написал Матвей Комаров – самый популярный и самый нелюбимый коллегами писатель страны, своеобразная "Дарья Донцова" русской литературы XVIII и XIX века.

Факт первый: О самом Матвее Комарове известно очень немного. Известно, что он был крепостным и вольную получил только после смерти своей хозяйки Анны Лонгвиновны Щипачевой (по первому мужу Зотовой, по второму Эйхлер), когда ему было уже хорошо за пятьдесят. Известно, что он был грамотен, по-своему начитан, управлял домом барыни и зачем-то часто бывал в московском Сыскном приказе. Был большим патриотом своего провинциального города, и к своей фамилии неизменно дописывал "житель города Москвы".

Кроме того, свою фамилию он неизменно писал с ошибкой – "Камаров". Его все время правили, но он упрямо продолжал "акать".

Факт второй. Тусуясь в Сыскном приказе, Комаров воочию видел сидевшего там под следствием знаменитого разбойника Ивана Осипова, более известного как Ванька Каин. Про него он и решил написать свой дебютный роман. Потом подумал, и решил добавить еще одного разбойника – для гарантии. Вскоре вышла книга с обычным тогда безразмерным названием: *«Обстоятельные и верные истории двух мошенников: первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою, забавными разными его песнями, и портретом его. Второго французского мошенника Картуша и его сотоварищей»*.

Потом умные люди объяснили лаптю, что времена Плутарха и сравнительных жизнеописаний давно минули. А, может, он и сам смекнул – зачем писать одну книгу о том, о чем можно написать две книги?

Так или иначе, но при переиздании книг стало две: *«История славного французского вора и мошенника Картуша и товарищей его»* и *«Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов»*.

Обе книги стали умопомрачительными бестселлерами, уронив все издательские рекорды того времени и вколов их в бетонный пол ногами заподлицо. "Ванька Каин", к примеру, только при жизни автора переиздавался 15 раз.

Факт третий: Матвей Комаров был автор первого русского фантастического романа. Книжка, которая писалась как фантастический роман, продавалась и читалась как фантастический роман. Она называлась *"Невидимка, история о фецеком королевиче Аридесе и брате его Полунидесе, с разными любопытными повествованиями"*. Это 1789 год, до выхода романа Герберта Уэллса оставалось еще 108 лет. "Фецкий", на всякий случай – это уроженец славного города Феса, что в Марокко.

Факт четвертый: Основой беспрецедентного успеха многочисленных романов Матвея Комарова было стопроцентное попадание в аудиторию. Он писал для того социального слоя, к которому и сам принадлежал – грамотного простонародья. Для людей, которых мало интересовали духовные искания русских классиков, и которым Комаров дал то, что им хотелось увидеть в книге: кубики на животе у властного пластилина страшные тайны, головокружительные приключения, экзотические страны, роковых аристократов, вечную любовь и бдышь-бдышь.

Как следствие, самый успешный роман Комарова – *"Повесть о приключении английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики Луизы с присовокуплением к оной истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезии"* – возглавлял все списки бестселлеров русской литературы почти полтора столетия. Первой издание вышло в 1782 году, когда ни Белинского, ни Гоголя еще на свете не было, последнее – уже при Советской власти в 1918 году. Это не считая двух переизданий в наше время. Какая из сегодняшних новинок доживет до 70-х годов двадцать второго века?

Факт пятый: Сам Комаров о своих книгах отзывался очень сдержанно, и говорил примерно то же самое, что сегодня твердят в интервью его многочисленные последователи:

Я труды моего пера не с тем выпускаю в публику, чтоб чрез то заслужить себе авторское имя; но мое намерение единственно состоит в том, чтобы показать обществу хотя малейшую какую ни есть услугу. [...] Что же принадлежит до критики, то хотя я и знаю, что иногда и самые искусные писатели нередко оной подвержены бывают, а мне уже, как человеку ничему не ученому, избежать от того очень будет трудно; и потому воображается мне, что может быть некоторые скажут: «Не за свое де он принялся дело!» Однако ж я все сие предаю на рассуждение благоразумных читателей...

Несмотря на столь похвальную скромность, почти все великие писатели земли русской по понятным причинам ненавидели Комарова лютой ненавистью. Статья о Комарове "Русском биографическом словаре" 1903 года явно писалась под аккомпанемент скрежета зубного: *"Все произведения М. Комарова очень невысокого достоинства, но они вполне пришлись по вкусу малообразованных и неразвитых читателей и выдержали массу изданий"*. В «Письме к издателю» Николай Михайлович Карамзин однажды назвал «Милорда Георга» *«глупейшим из романов»* – после чего, собственно, милорд и стал навсегда "глупым".

Мне известны всего два исключения.

Первым было бородатое "зеркало русской революции". Вот что писал Шкловский:

"Лев Николаевич Толстой любил спрашивать:

– Кто самый известный русский писатель?

И на ответ – Лев Толстой – отвечал:

– Нет. Матвей Комаров.

[...] Лев Николаевич Толстой не объяснял успеха Комарова случайностью. Он называл свои народные рассказы "Мои милорды" и даже возил книги Комарова с собой в поездки".

Вторым радетелем Комарова был тот самый Белинский, которого глупый народ не нес. Критик-демократ очень хотел написать о Комарове отдельную статью, и называл его *"прелюбопытнейшим в мире человеком"*.

А в своей рецензии он написал очень верные слова – причем не только о Комарове, но и обо всей так называемой "коммерческой литературе":

"Судьба книг так же странна и таинственна, как судьба людей. Не только много было умнее «Английского милорда», но были на Руси еще и глупее его книги: за что же они забыты, а он до сих пор печатается и читается? Кто решит этот вопрос! Ведь есть же люди, которым везет бог знает за что: потому что ни очень умны, ни очень глупы. Счастье слепое! Сколько поколений в России начало свое чтение, свое занятие литературой с «Английского милорда». Одни из сих людей пошли дальше и – неблагодарные – смеются над ним, а другие и теперь еще читают его себе да почитывают!"

Глава 5. Человек, назначивший Сталина единственным читателем

У каждой книги есть своя история создания. У детских книг – тоже. Иногда это очень скучная история, иногда – просто обычная. Встречаются, впрочем, и веселые биографии книг, бывают и страшные, бывают – героические. Как любая жизнь, в общем.

Книга "Приключения Карика и Вали" до сих пор остается одной из самых популярных детских книг – десятки переизданий, советская экранизация, мультисериал, снятый по повести уже в новом веке. Я, кстати, даже как-то писал про эту книгу.

Но вот про автора книги обычно ничего не знают. Меж тем биография Яна Леопольдовича была какой угодно, но не тривиальной. И здесь, пользуясь случаем, я благодарю Евгения Харитонову, рассказавшего ее в своем очерке "Приключения писателя-фантаста в "Стране счастливых".

Уроженец Риги Ян Ларри начал самостоятельную жизнь с того, что в 10 лет остался круглым сиротой. Из сиротского дома бежал, бродяжничал по Руси Великой, а там и "время веселое" подоспело. В 1917 году Ларри 17 лет: Красная армия, Гражданская война, тиф, еще раз тиф, комиссован, осел в Харькове, где закончил биофак местного университета.

Начал писать, выпустил около десятка книг, перебрался в Ленинград, потом бросил литературу и поступил в аспирантуру Всесоюзного НИИ рыбного хозяйства.

От судьбы, как известно, бегать можно долго – но всегда с известным результатом. Судьба явилась к Яну Леопольдовичу в виде руководителя Ленинградской редакции Детгиза, известного поэта и переводчика Самуила Яковлевича Маршака. Маршак, как любой редактор, всегда искал, чем бы заполнить редакционный портфель. Вот и предложил известному биологу Льву Бергу написать для детей научно-популярную книгу о насекомых. Маститый академик отказался, но вспомнил, что есть у него головастый аспирант, вроде как даже что-то раньше писавший...

Аспиранта звали Ян Ларри, и в 1937 году в журнале "Костер" вышла книга «Необыкновенные приключения Карика и Вали», сделавшая автора звездой детской литературы.

А еще через три года неугомный Ларри задумал литературный проект, креативность которого и по нынешним безбашенным меркам зашкаливает.

В декабре 1940 года в ЦК ВКП(б) на имя Сталина пришло странное письмо:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Каждый великий человек велик по-своему. После одного остаются великие дела, после другого – веселые исторические анекдоты. Один известен тем, что имел тысячи любовниц, другой – необыкновенных Буцефалов, третий – замечательных шутов. Словом, нет такого великого, который не вставал бы в памяти, не окруженный какими-нибудь историческими спутниками: людьми, животными, вещами.

Ни у одной исторической личности не было еще своего писателя. Такого писателя, который писал бы только для одного великого человека. Впрочем, и в истории литературы не найти таких писателей, у которых был бы один-единственный читатель...

Я беру перо в руки, чтобы восполнить этот пробел.

Я буду писать только для Вас, не требуя для себя ни орденов, ни гонорара, ни почестей, ни славы.

Возможно, что мои литературные способности не встретят Вашего одобрения, но за это, надеюсь, Вы не осудите меня, как не осуждают людей за рыжий цвет волос или за

выщербленные зубы. Отсутствие талантливости я постараюсь заменить усердием, добросовестным отношением к принятым на себя обязательствам.

Дабы не утомить Вас и не нанести Вам травматического повреждения обилием скучных страниц, я решил посылать свою первую повесть коротенькими главами, твердо памятуя, что скука, как и яд, в небольших дозах не только не угрожает здоровью, но, как правило, даже закаляет людей.

Вы никогда не узнаете моего настоящего имени. Но я хотел бы, чтобы Вы знали, что есть в Ленинграде один чудак, который своеобразно проводит часы своего досуга – создает литературное произведение для единственного человека, и этот чудак, не придумав ни одного путного псевдонима, решил подписываться Кулиджары. В солнечной Грузии, существование которой оправдано тем, что эта страна дала нам Сталина, слово Кулиджары, пожалуй, можно встретить, и, возможно, Вы знаете значение его.

Кулиджары».

В следующем письме пришла первая глава повести «Небесный гость», в которой на Землю прибывает представитель Марса, где, как выяснилось, уже 117 лет существует Советская власть. Пришелец изучает жизнь в СССР и делает выводы, часто – негативные: *"Москва стала единственным городом, где люди живут, а все остальные города превратились в глухую провинцию, где люди существуют только для того, чтобы выполнять распоряжения Москвы"*.

Просвещение Иосифа Виссарионовича закончилось тем, что после седьмой главы автора вычислили и арестовали.

Из обвинительного заключения: «... Посылаемые Ларри в адрес ЦК ВКП(б) главы этой повести написаны им с антисоветских позиций, где он извращал советскую действительность в СССР, привел ряд антисоветских клеветнических измышлений о положении трудящихся в Советском Союзе». 5 июля 1941 года Судебная Коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда приговорила Ларри Я. Л. к лишению свободы сроком на 10 лет с последующим поражением в правах сроком на 5 лет.

Свою "пятнашку" боровшийся с недостатками твердокаменный коммунист отсидел от звонка до звонка, и в Ленинград вернулся только в 1956 году, накануне XX съезда и разоблачения культа личности. В том же 1956 году вышел еще один документ, завершающийся словами: "приговор Ленинградского городского суда от 5 июля 1941 года в отношении Ларри Я. Л. отменен, и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Ларри Я. Л. по данному делу реабилитирован".

После реабилитации Ян Леопольдович продолжил писать для детей. В 60-е у него вышли две новые книги: «Записки школьницы» и «Удивительные приключения Кука и Кукки». А в 1970 году в «Мурзилке» была опубликована сказка «Храбрый Тилли: Записки щенка, написанные хвостом» с рисунками Виктора Чижикова.

Глава 6. Борис Заходер – поэт, которого мы не заметили

Список самых великих, самых популярных и самых любимых русских поэтов двадцатого века не так уж велик – Барто, Чуковский, Маршак... Вот их стихи действительно наизусть знает, и всей своей обширной душой любит каждый образованный или даже малообразованный гражданин.

Борис Заходер – из того же ряда. Кто из нас не восхищался его строками, и неважно, писались ли они в переводческом («Если я чешу в затылке – не беда!»), или в собственном обличье («Плачет киска в коридоре, у нее большое горе...»).

Обличий, кстати, у Заходера было более чем достаточно. Он был поэтом и переводчиком, писал и стихи, и прозу, сочинял «вопилки» и сказки. Над этой своей «многогранностью» первый с удовольствием иронизировал:

*В литературе
Сверх всякой меры
Буквально
Кишмя кишат
Заходеры!
Смотрите сами:
Есть, например,
Детский писатель
Борис Заходер;
Есть переводчики –
Взрослый и детский,
Польский, английский,
Чешский, немецкий
Тот пишет сказки
про разных тварей,
Тот норовит
Смастерить сценарий;
Есть среди них
Даже автор либретто.*

*Тут
не хватало только поэта...*

Поэта – «взрослого», серьезного поэта действительно не хватало.

Нет, на самом деле он был, был всегда, и даже был весьма популярен.

Просто мы его не заметили.

Подростки в нашей стране уже несколько десятилетий переписывают – в тетрадки ли, в статусы Вконтактика, не важно – уже одно короткое стихотворение.

*Не бывает любви несчастной.
Может быть она горькой, трудной,
Безответной и безрассудной,
Может быть смертельно опасной.
Но несчастной любовь не бывает,
Даже если она убивает.
Тот, кто этого не усвоит,*

И несчастной любви не стоит.

И, как правило, никто не догадывается, что стихотворение это сочинил тот же человек, что познакомил нас с Винни-Пухом, Мэри Поппинс, Питером Пэном, Алисой в Стране Чудес, жабой Серой Звездочкой, «Мохнатой азбукой» и многими другими книгами.

Глава 7. Машинисты, секретарши, милиционеры и другие государственные деятели

Заявление товарища Сухова «Восток – дело тонкое» является верным, но не достаточным. Восток – дело не только тонкое, но и путанное.

Если честно экранизировать историю Гражданской войны на территории Средней Азии, в это просто никто не поверит, и получится какая-то абсурдистская кинолента.

Господи, как же здесь перепуталось всё и все – и белые, и красные, и пролетарии-железнодорожники, и ретрограды-казаки, крестьяне переселенцы, да не забудьте еще мешанину местных народностей, под шумок принявшуюся сводить счеты как с «урусами», так и друг с другом.

Вот вам только несколько сюжетов. В Семиречье (Киргизия и Юго-Восточный Казахстан) как-то власть взял красный авиатор **Шавров**.

Просто прилетел из Ташкента, вылез из аэроплана, создал здесь Реввоенсовет фронта, и начал военную реформу – попытался создать из отрядов местной вольницы регулярные полки. Почти получилось, но тут летчик на беду арестовал местного партизанского вожака **Калашникова**. Соратники арестованного тут же явились мстить, освободили батьку и убили самого Шаврова. Вскоре, правда, Калашникова тоже убили – уже совсем какие-то неизвестные искатели приключений.

В Ташкенте шла грызня – две образовавшиеся власти, русский ТурЦИК с Совнаркомом и узбекское Мусульманское бюро РКП(б) всячески подсиживали друг друга и вредили по мелочам. Вражду прекратил бывший прапорщик, а ныне военный министр Туркестанской республики **Константин Осипов**, который поднял восстание. Он захватил почти весь город, расстрелял председателя ТурЦИКа, председателя Совнаркома, еще 12 руководящих деятелей, но при попытке захватить Ташкентскую крепость потерпел поражение от засевших там красноармейцев во главе с комендантом **Беловым**.

В мятеже, кстати, принимал участие и младший сын Великого князя Николая Константиновича – Александр. Спасаясь, Осипов с товарищами бежал в Фергану.

А там и без него было не протолкнуться. После разгрома «Кокандской автономии» ее лидер **Ходжи Магомед Ибрагим Ходжиев**, больше известный как "**курбаши Иргаш**" или просто "маленький Иргаш" стянул на себя силы местных националистов и мусульман, став зачинателем басмаческого движения.

Потом его потеснил курбаши **Курширмат**, звавший себя «верховным предводителем мусульманского воинства», и резавший всех неверных, и красных, и белых.

Затем поднял восстание начальник уездной милиции в Маргелане (ныне Фергане) **Мадамин-бек**, который со своими милиционерами сначала басмачил вместе с Иргашом, но потом отпочковался и учредил «Мусульманскую народную армию». Бывший милиционер оказался самым, пожалуй, талантливым и дальновидным басмачом. В частности, в отличие от других «воинов Аллаха» он не чурался иноверцев, брал себе в штаб бывших русских офицеров и вскоре стал самым крутым в округе. О его успехах прослышал даже Колчак и, желая возбудить в нем симпатии к белому делу, присвоил ему звание полковника.

А тут еще в районе Джелалабада русские крестьяне, замученные набегамы Мадамин-бека, при помощи Красной армии создали отряды самообороны, которые возглавил бывший конторский письмоводитель, по нынешнему – "секретарша". Конторский служащий обладал простым именем Константин Иванович, но пугающей фамилией **Монстров**.

В дальнейшем судьба сделала очередной зигзаг – озлобленные введенной продразверсткой крестьяне рассорились с большевиками, и неожиданно предложили союз... Мадамин-беку.

На удивление бывший милиционер и бывшая "конторская крыса" крепко сдружились, «Крестьянская армия» вступила в союз с «Мусульманской народной армией» и этот невероятный альянс еще долго гулял по округе, брал города и вообще всячески веселился.

Не отставала и Закаспийская область, нынешняя Туркмения, где, как вы помните, и происходили события «Белого солнца пустыни».

Здесь всегдашний бардак и действия отряда «интернационалистов» из венгерских пленных достали не крестьян, а рабочих. Восстал Ашхабад, рабочие отряды возглавил паровозный машинист с опереточной фамилией Фунтиков, избранный в итоге главой правительства. Восстание покатило по всей Туркмении, к рабочим стали присоединяться воинственные туркменские племена, и **Федор Фунтиков** стал силой, с которой приходилось считаться всем.

Тем более, что нрав у него оказался вовсе не опереточный. Безо всяких разговоров он «кончил» посланного для наведения порядка комиссара Туркестанского СНК Полторацкого, вслед за ним отправил «в штаб Духонина» 9 комиссаров Закаспийской области.

Встревоженный этой лихостью, Ташкент начал собирать против Закаспия войска, Фунтиков быстренько обратился за помощью к сидящим в Персии англичанам. Те перебросили в Туркмению знаменитых сипаев – 19-й Пенджабский батальон, подразделения Хэмпширского полка и 44-ю полевую батарею, окончательно придав этому интернациональному воинству сюрреалистичный вид. А когда бежавшие из Баку комиссары приплыли по Каспию в Красноводск, Фунтиков «уговорил» и их, положив начало легенде про «26 бакинских комиссаров».

Во всем этом перманентном бардаке встречались и островки стабильности. В богом забытой Кушке, к примеру, сидел пожилой генерал с не менее «говорящей» фамилией Востросаблин. Говорят, именно этот деятель обогатил офицерский фольклор поговоркой «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют». Сидел он там давно, с 1910 года, просидел в крепости и Первую Мировую войну, и крушение царизма, в Временное правительство, и Октябрьскую революцию, и последовавший всеобщий бардак. Занимался **Александр Павлович Востросаблин** там тем, для чего и был поставлен – охранял рубежи России.

В арсенале крепости к началу Первой мировой было 100 орудий, 200 пулеметов, пять тысяч винтовок, несколько миллионов патронов, десятки тысяч артиллерийских снарядов. В 1915 году крепость Кушка имела самую мощную в Средней Азии радиостанцию, способную принимать сообщения не только из Ташкента и Петрограда, но и из Константинополя, Калькутты и Вены. Кстати, начштаба крепости был Константин Сливицкий, один из известнейших наших радиоразведчиков.

Такое богатство не могло остаться без внимания, и однажды у стен крепости появилось войско в несколько тысяч человек. Те самые вооруженные силы Закаспийского временного правительства Фунтикова, где кого только не было: и туркменские националисты, и белые офицеры, и английские инструктора. Востросаблин же располагал всего парой сотен бойцов, однако сдаться отказался наотрез и полтора месяца отбивал атаки. Потом из Ташкента ему прислали помощь красные, и это решило судьбу генерала – он перешел на сторону большевиков.

По предложению штаба Туркфронта, А. П. Востросаблин выехал из Кушки в Ташкент, где за боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени. Позже руководил курсами красных командиров в Ташкенте, а после подавления вышеупомянутого восстания Осипова стал членом Реввоенсовета Туркестанской республики.

В 1920 году Востросаблин был избран делегатом на краевой съезд в Баку, но по дороге его выбросили из поезда не то белогвардейские агенты, не то залетные мазурики, и от полученных травм генерал-лейтенант Востросаблин скончался.

Ирония судьбы – что тут еще скажешь.

Впрочем, наша абсурдистская лента и не могла закончиться по-другому. Судьбу других героев этого фильма тривиальной тоже не назовешь.

Конец правлению Фунтикова положили те самые ашхабадские рабочие, что и вознесли машиниста на вершину власти. В Ашхабаде начались крупные волнения, и правительство ушло в отставку. После этого вскрылись крупные злоупотребления, Фунтикова арестовали, однако он вскоре бежал и в дальнейшей суматохе следы его потерялись.

Нашелся Фунтиков только через много лет после Гражданской войны, в 1925 году, когда Советское правительство усиленно творило легенду о бакинских комиссарах. Как выяснилось, бывший гроза Туркестана, устав от зигзагов судьбы, вернулся в Россию, и мирно крестьянствовал на хуторе Ляпичево Нижневолжского края. Здесь он спокойно, под своей фамилией, жил с 1922 года, вел небольшое, хорошо поставленное хозяйство и среди окрестных крестьян выделялся разве только тем, что неплохо разбирался в машинах.

27 апреля 1926 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Фунтикова Ф. А. к высшей мере наказания – расстрелу.

Бывший прапорщик Осипов, бежав из Ташкента, захватил с собой золотой запас Туркестана, хранившийся в городском банке в виде наличной валюты в бумажных деньгах, золотых слитках и золотых червонцах.

Как вы догадываетесь, по этой причине за ним гнались все, кто только мог передвигаться. Но Осипов почти без снаряжения в жуткий мороз перевалил через Пскемский и Чаткальский хребты (каждый 4000 м над уровнем моря). Преследователи сочли его мертвым и повернули назад – до сих пор никому такое не удавалось. Однако Осипов остался жив, и передохнув в кишлаках по ту сторону гор, в сопровождении небольшой группы сподвижников, уцелевших в ледовом походе, спустился в Ферганскую долину.

К тому самому бывшему милиционеру Мадамин-беку.

Некоторое время Константин Осипов был у курбаши главным военным советником, но затем, устав от толкотни в Ферганской долине, перебрался в Бухару, где быстро пришелся по душе последнему бухарскому эмиру Сеид Алим-хану.

По крайней мере, в отличие от многих его соратников, самого Осипова эмир так и не выдал, несмотря на все требования ташкентского правительства Туркеспублики. А когда Фрунзе навсегда сокрушил Бухарский эмират, вместе с эмиром в Афганистан бежал и Осипов. Дальнейшая судьба этого красноярского землемера неизвестна – исчез в Кабуле, и ни о нем, ни о прихваченном золоте никто и никогда не слышал.

Иргаш был разгромлен красными и убит. Письмоводитель Монстров сдался Советской власти и был расстрелян. Мадамин-бек басмачил до 1920 года, потом бывший милиционер тоже сдался красным частям, но не просто сдался, а начал воевать их стороне. Воевал честно, был неоднократно награжден.

Однажды Мадамин отправился на переговоры с возглавившим после него басмаческое движение Курширматом, надеясь склонить его к сдаче оружия. Однако тот, нарушив договоренность, вероломно напал на отряд Мадамин-бека, и, захватив его живым, отдал в руки заклятого врага, вожака киргизских басмачей Хал-ходжи, который и отрубил бывшему милиционеру, бывшему басмачу, бывшему главе «временного Ферганского правительства», бывшему полковнику колчаковской армии, а ныне красному командиру голову.

Ирония судьбы – сказали бы в России. Кысмет – говорят на Востоке.

Глава 8. Как Унгерн Будду украл

Одной из самых блестящих операций Гражданской войны является похищение бароном Унгерном "живого Будды".

В бурные десятилетия XX века, когда географическая карта трещала и перекраивалась, образовалось пресловутое «самое независимое государство мира – Монголия, от которой ничего не зависит».

После синхайской революции, скинувшей династию Цинь, в конце 1911 года часть Монголии провозгласила себя независимой от Китая, и на престол взошел первосвященник Богдо-геген Джебцун-Дамба-хутухта, или же просто Богдо-хан.

Когда же китайцы в ответ свергли Богдо-хана и ввели в Ургу (так раньше назывался Улан-Батор) свой гарнизон, на помощь духовному лидеру буддистов решил прийти человек с не менее длинным именем – Роберт-Николай-Максимилиан Унгерн фон Штернберг, более известный истории как барон Роман Федорович Унгерн.

Этот потомок крестоносцев, истово увлеченный Востоком, руководил, пожалуй, самым экзотическим подразделением Белой армии – знаменитой Конно-Азиатской дивизией. В ней, под руководством русских офицеров служили казахи и монголы, татары и китайцы, да что там – едва ли не все азиаты Евразии, от башкир до корейцев. Была даже тибетская сотня, по слухам – сформированная из присланных барону Далай-ламой XIII собственных личных охранников.

Вот только к тому времени дивизия Унгерна насчитывала всего порядка восьми сотен сабель, в то время как в Урге стоял 8-тысячный прекрасно снаряженный китайский гарнизон.

Поэтому первую попытку «желтого барона» взять Ургу китайские республиканцы отбили, хоть и не без труда – люди Унгерна дрались с таким ожесточением, что многие посчитали их демонами.

После отхода потерявших половину состава нападавших китайцы, на всякий случай, взяли Богдо-гэгэна под стражу. Это было ошибкой – барон немедленно объявляет освободительную войну религиозной и обещает во что бы то ни стало освободить главу ламаистской церкви в Монголии.

Для этого Унгерн разрабатывает поистине блестящую диверсионную операцию похищения Богдо-гэгэна из надежно охраняемого Зеленого дворца.

Воины из тибетской сотни проникли во дворец под видом паломников и по сигналу кинулись резать охрану. Тут же ударная группа бросилась к дворцу и, подхватив «живого Будду» вместе с женой, потащила к выходу.

За спиной они слышали грохот схватки между опомнившимися китайцами и смертниками-тибетцами, прикрывавшими отход...

Освобожденный Богдо-гэгэн в благодарности присвоил спасителю титул цин-вана (сиятельного князя) и четыре привилегии, а новоявленное «сиятельство» скоро взял Ургу и на какое-то время стал фактическим правителем Монголии.

Но это уже другая история...

Глава 9. Генерал Шкуро в роли турецкого султана

Когда войска Шкуро, соединившегося накануне с Мамонтовым, стояли в Воронеже, а корпус Буденного пробился к городу, который был неплохо укреплен, у скучающих в осаде буденновцев родилась занятая идея. Кто-то из командиров предложил написать оставшемуся в городе Шкуро что-то вроде послания запорожцев турецкому султану.

Генерал Андрей Шкуро

Буденному предложение понравилось, и вскоре письмо было готово. Содержание, если прополоть нецензурные выражения, было примерно таким:

«Завтра мною будет взят Воронеж. Обязываю все контрреволюционные силы построить на площади Круглых рядов. Парад принимать буду я. Командовать парадом приказываю тебе, белогвардейский ублюдок. После парада ты за все злодеяния, за кровь и слезы рабочих и крестьян будешь повешен там же, на площади, на телеграфном столбе. Мой приказ объявить всему личному составу Воронежского белогвардейского гарнизона. Буденный».

Доставить письмо взялся знаменитый Олеко Дундич. Этот человек был во время Гражданской войны настоящей легендой, а его биография достойна авантюрного фильма.

Хорват по национальности, Тома Дундич (в России он называл себя «Иваном», а «Олеко» употребляется исключительно в литературе), родился в Далмации. 12 лет от роду эмигрировал в Южную Америку, где четыре года был ковбоем в Аргентине и Бразилии.

Потом вернулся на родину, в 1914 году был призван рядовым в австро-венгерскую армию, попал в плен к русским, позже добровольно вступил в созданный русскими из пленных «братушек» Сербский добровольческий корпус.

Сразу же после революции – в Красной гвардии. Прошел всю Гражданскую войну, во время которой прославился по обе линии фронта невероятной храбростью и удачливостью. Погиб в бою под Ровно в 1920 г.

Но до этого было еще далеко, а пока «красный Дундич», переодевшись в форму белого офицера, едет в занятый белыми казаками Воронеж. Подобный трюк, кстати, он проделывал не единожды – хорошая выправка, знание иностранных языков и отменные манеры делали этого крестьянского сына неотличимым от отпрысков дворянских семей. Вот как описывает эту операцию сам Семен Буденный в мемуарах «Пройденный путь»:

«В Воронеж с письмом генералу Шкуро Дундич, переодевшись в форму белогвардейского офицера, поехал вечером. Он благополучно добрался до штаба Шкуро, передал письмо дежурному офицеру, а затем объездил весь город, изучая систему обороны противника. Но это относительно спокойное путешествие не могло удовлетворить Дундича. Он вернулся к штабу Шкуро и запустил в окно две ручные гранаты. Началась невообразимая паника. Белогвардейцы мчались со всех сторон ловить диверсанта. А "диверсант" в офицерской форме носился среди белых и во все горло кричал: "Лови! Держи!"

Наконец Дундичу надоело гоняться самому за собой. Он подскочил к участку обороны противника, занимаемому буржуазными ополченцами, и закричал: "Это вы, грибы титцлованные, пропустили красных диверсантов! А ну посторонись, вороны!" И растерявшиеся добровольцы пропустили "сердитое благородие".

Глава 10. 60 про 47

Однажды в самом начале XVIII века придворному церемониймейстеру императорского двора дали в подчинение провинциального лорда. И тот "колхозника" невзлюбил. Постоянно придирался, глумился, вымогал деньги и подарки и однажды довел насмешками до того, что "деревенщина" бросился на него с мечом.

Но все, что сумел сделать – это рассечь церемониймейстеру кожу на лбу. Преступника немедленно повязали, столь же быстро осудили к смертной казни, замок конфисковали, а васалов выгнали на улицу.

Поскольку дело происходило в Японии, все выставленные на мороз пополнили собой ряды ронинов – самураев, оставшихся без хозяина. Большинство с этим смирилось, но 47 ронинов, встретившись, дали клятву отомстить за хозяина.

Чтобы никто не догадался, они разбрелись по всей стране, но каждый делал свою часть работы. Один из них, например, даже женился на дочери строителя замка церемониймейстера, чтобы раздобыть план строения. Только главный из них, чтобы усыпить подозрения, развелся с женой и месяцами бухал как не в себя, пропив даже свою катану. Дело дошло до того, что один из старых друзей, встретив опустившегося алкаша, валяющегося в грязи, пнул ногой и плюнул на него в знак презрения.

Церемониймейстер, до которого слухи, конечно же, доходили, успокоился. А зря.

А через год с небольшим сорок семь ронинов вновь встретились. Отправили соседям записки следующего содержания:

«Мы, ронины, состоявшие прежде на службе у Асано Такуми-но-Ками, собираемся этой ночью ворваться во дворец Кира Кодзукэ-но-Сукэ, чтобы отомстить за нашего господина. Мы не ночные грабители и не хулиганы и не причиним вреда соседним домам. Просим вас не беспокоиться».

После чего взяли штурмом дом церемониймейстера, вырезав шестнадцать и ранив более двадцати человек. Потом нашли главгада, отрезали ему голову и положили на могилу своего почившего лорда.

После чего сдались властям.

Все 47 были приговорены к смерти (старшему из налетчиков было 76 лет, младшему – 15), но в знак уважения к их доблести и чести им было разрешено самим сделать себе харакири. Чем все и воспользовались, вскрыв себе короткими мечами животы.

За одним исключением – младшего сегун помиловал, отправив гонцом к родственникам покойного с посылкой, которую он и вручил по описи под расписку: «...выдается голова – 1 штука, бумажная упаковка для головы – 1 штука...».

Юный гонец дожил до 78 лет, а после смерти был похоронен рядом со своими соратниками.

Могилы ронинов до сих пор является одним из самых популярных туристических объектов в Японии, только могил там не 47, а 48. Друг, оплевавший алкоголика, пришел к нему на могилу, извинился перед покойником за свой тогдашний поступок и в знак стыда тоже разрезал себе живот. По решению настоятеля храма похоронен рядом с сорока семью воинами.

Театральные постановки театра "кабуки" на этот сюжет начались на следующий же год после похорон и до сих играют в Японии чаще, чем какая-либо другая пьеса.

В 1907 году история 47 ронинов впервые была, если можно так сказать, экранизирована – театральную пьесу засняли на пленку. В 1908-м появился уже первый постановочный фильм. А всего эту историю можно посмотреть примерно в 60 вариантах – более 20 экранизаций на большом экране и более тридцати позиций в списке телесериалов.

Последние версии – одноименная голливудская постановка 2013 года с Киану Ривз в главной роли и "Последние рыцари" США/Чехия, 2015 года с Морганом Фрименом.

И это, наверное, самый экранизируемый сюжет на планете.

Глава 11. «Когда придешь домой в конце пути...»

Господи, как же я ее ненавижу в юности, во время просмотра всех этих юбилейных концертов! Выходит эта необъятная фигура (а она непременно выйдет) – и понеслось! Весь мир "Ролингов" слушает, а мы Зыкину.

Сейчас "Река-Волга" у меня непременно загружена в плеере. Все проходит, почтенные. Все проходит.

Я не то чтобы вырос, но немного набрался ума и понял, что именно Зыкина много лет, много десятков лет была материальным воплощением понятия «русская песня» – и не только на одной шестой, но и во всем мире.

Эта ее «эпохальность» стала для нее и благословением, и проклятием.

По первой половине ее жизни можно снимать лихой байопик, потому как биография Людмилы Георгиевны – пожалуй, одно из самых идеальных воплощений Большой Советской Мечты.

Она не просто «вышла из народа», там контраст куда разительнее: из самых что ни на есть низов – в самые что ни на есть князья.

Людмила Зыкина родилась 10 июня 1929 года в Москве в семье рабочего хлебозавода и больничной нянечки.

Сказать, что они жили бедно – это ничего не сказать.

Как вспоминала в интервью певица: *«У нас комнатка была – шесть метров, в ней все жили, тут и бабушка, и мамыны сестры наезжали. Мне, маленькой, доставалось спать под столом. Перед войной бабушка сказала: «Хватит жить в клоповнике, давайте рыть землянку». В этой землянке и жили до самой войны. Еще у нас сарай был – по весне перебирались туда, и становилось просторнее».*

Этому поколению вообще досталось, и Зыкина, к сожалению, имела полное право утверждать:

«У меня не было ни детства, ни юности. Я рано начала работать, поздно пошла учиться. Все время пыталась кого-то догнать – так и живу в этом ритме».

Когда началась война, 13-летней девчонке пришлось бросить школу и пойти работать токарем на станкостроительном заводе имени Серго Орджоникидзе – там давали рабочую карточку. На соседнем станке, кстати, работал такой же подросток Николай Чикирев, который позже станет директором завода и с которым Зыкина дружила всю жизнь.

Работали в войну на износ, и пришедший с фронта отец просто не узнал дочь – такой изможденной она была. Через знакомую удалось устроить дочь в булочную, но там она проработала всего месяц, а потом пришлось пойти к матери в больницу имени Кащенко – устроилась швеей, благо шила всегда хорошо, потом ушла в пошивочную мастерскую.

Музыкальная карьера началась тоже, как в кино, – уже после войны, в 1947 году увидела объявление о наборе в хор имени Пятницкого и после подначек подруг пошла на прослушивание.

Из полутора тысяч претендентов взяли четверых – троих парней и Людмилу.

Но напасти на этом не закончились – через два года, в 1949 году, умерла мама и из-за потрясения у певицы пропал голос – не то что петь, громко говорить не могла. Казалось, карьера певицы закончилась, не начавшись, сказки не случилось и пора возвращаться туда, откуда выскочила.

Зыкина увольняется из хора и устраивается на работу в типографию.

Но через год голос вернулся, и Людмила Зыкина выдерживает конкурс в хор русской песни Всесоюзного радио. Как вспоминала, первые годы жилось трудно. Заработки у хористок были очень небольшими, поэтому приходилось подрабатывать.

Пригодилась любовь к вышиванию – Зыкина шила специальные дорожки на пианино, которые у музыкантов пользовались хорошим спросом.

Правда, вскоре музыкальная карьера пошла в гору – Зыкина становится солисткой, а в 1960 году, проработав в хоре семь лет, певица начинает сольную карьеру и переводится в Москонцерт.

И тут происходит взрыв – в 60-е Зыкина становится невиданно популярной, записывает свои главные, вневременные, хиты вроде «Течет река Волга» или «Оренбургский пуховый платок».

Она объездила с гастролями всю страну, побывав в самых отдаленных ее уголках и даже выступив на Северном полюсе перед полярниками.

Тогда же она покоряет и зарубежную публику. Первые ее гастролы проходили в Париже в составе Мюзик-холла при Москонцерте. По рассказам, на "реке Волге" эмигранты в зале рыдали в голос. Зыкина вспоминала: *«Кто бы мог подумать, что с самого начала будут «бисировать» многие номера программы... Аплодисменты, скандирования, корзины цветов. Признаться, не ожидали такого приема. По-настоящему поверили в успех, когда за кулисы пришел всемирно известный мим Марсель Марсо. Под впечатлением увиденного он написал статью о советском Мюзик-холле: «Это посланцы России – страны высокой культуры, высокого интеллекта, страны настоящего и будущего...».*

Успех у Зыкиной был оглушительный, она «рвала» любые залы, причем без разницы – были ли это матросики в Доме офицеров где-нибудь на Камчатке или чопорная публика в концертном зале Мельбурна.

Одновременно с концертной деятельностью она активно участвует в конкурсах и к 1965 году становится восьмикратным лауреатом Всесоюзных и Всероссийских конкурсов вокалистов. Во Франции выходит «золотой» диск, на родине же каждая пластинка расходуется огромными тиражами (всего же общий тираж ее пластинок превышает 6 миллионов экземпляров).

Фактически Зыкина становится главной певицей страны, и этому не мешает даже то, что певица никогда не была членом партии.

Несмотря на свою известность, самоучка Зыкина всерьез начинает заниматься своим образованием – в 1960-е годы поступает в Музыкальное училище им. Ипполитова-Иванова, а в 1977-м заканчивает Государственный музыкальный педагогический институт имени Гнесиных.

Хрущев, и Брежнев, такие же «выходцы из низов», искренне любили народную песню и поэтому очень благоволили главной фолк-певице страны. С премьер-министром Косыгиным народная молва их вообще поженила, хотя, как рассказывала сама Людмила Георгиевна, недавно похоронивший жену Алексей Николаевич относился к ним скорее иронично: *«Молва – плохой гонец и еще худший судья. Хорошо еще, что подобрали мне молодую, да еще Зыкину!»*

С министром культуры Фурцевой Зыкина просто дружила и позже весьма обижалась на режиссера Юрия Любимова, несправедливо написавшего в «Огоньке», будто она и Фурцева вместе «закладывали и парились». В баню, мол, ходили, любила Фурцева это дело, но максимум, что там появлялось, – это пиво, да и то для того, чтобы волосы на него накручивать.

Кстати, Зыкина действительно умела дружить, со многими людьми она прошла вместе всю жизнь, и от друзей, даже попавших в опалу, никогда не отказывалась.

На похоронах опальной Фурцевой она пела у гроба песню-плач «Ох, не по реченьке лебе-душка все плывет...», а потом именно у Зыкиной пришедшие собрались на поминки.

Зыкина, безусловно, пережила свое время. Даже в последние годы Советского Союза, когда народная песня для нового поколения стала анахронизмом, ее монументальная фигура,

неизменно появляющаяся на каждом концерте, воспринималась олицетворением песенной замшелости и рутинности. Имидж не поправляли даже слухи о том, что в Штатах Зыкина выступала на концерте «Битлов» и те вроде как совместно с ней исполняли «Калинку».

А теперь историей стали и Зыкина, и «Битлз». Большое видится на расстоянии и становится понятно, что Людмила Георгиевна действительно очень много сделала для развития музыкальной культуры народной песни. Именно благодаря ей фольклор ушел от пресловутых «Валенки-валенки» к сложным и музыкально нагруженным вещам.

Не зря же ее творчество высоко оценивали люди, которых в непонимании музыки никак не обвинишь.

Именно ей дал свою ораторию Родион Щедрин, получив за нее в 1970-м Ленинскую премию, а Дмитрий Шостакович утверждал: *«Зыкина – не только великолепный интерпретатор, она сотворец, соавтор композитора».*

В одном из последних интервью она сказала: *«Жизнь ко мне всегда благоволила, и за это я благодарна судьбе. Я прожила такую большую жизнь, прошла через такие жернова – мне уже ничего не страшно».*

Сейчас действительно уже не имеют никакого смысла ни обвинения, ни восторги, ни сплетни, ни барский гнев, ни барская любовь. Не важны сейчас ни звания, ни награды, ни деньги, ни бриллианты, ни квартиры, ни поклонники. Все кончилось.

Остался только – и еще надолго останется – неповторимый голос, неотвратимо раскатывающий: *«И-и-здалека до-о-олго-о-о...».*

Глава 12. Жил на свете рыцарь бедный

К сожалению, имя Владимира Дмитриевича Михайлова, наверное, уже мало что скажет даже не рядовому читателю, но и молодым любителям фантастики. Общественная память – тот еще Боливар, больше одного выносит крайне неохотно. Под лейблом «советские фантасты» утвердилось непозволительно малое количество имен.

Александр Беляев, Иван Ефремов, братья Стругацкие – вот, пожалуй, и все, что положено знать обывателю.

Меж тем их было много – тех, чьими усилиями наша фантастика все больше отходила от проблем строительства звездолетов и любимых лунных тракторов к проблемам обычных людей, таких же, как мы с вами, только (фантастика же!) поставленных в необычные обстоятельства. Почти все они ушли и ушли незаметно, Владимир Михайлов оставался едва ли не последним из той когорты, что делала из фантастики – литературу.

Биография Владимира Дмитриевича проста и незамысловата. Официально она, наверное, выглядела бы так: родился в 1929 году в Москве, потом перебрался в Прибалтику. Окончил юридический факультет Рижского университета им. П. Стучки, работал следователем в прокуратуре, служил в армии, был на партийной работе. В 1958 году ушел на литературную работу, работал в Риге в редакциях и писательских организациях. В фантастике дебютировал в 1962 году повестью "Особая необходимость". Выпустил множество книг. До конца 80-х годов жил в Латвии, затем переехал в Москву. Писал до последнего дня. Умер в 2008 году. Все.

Вот только в эти строчки не поместилось очень многое.

Нет там, например, о том, что именно благодаря Владимиру Дмитриевичу увидела свет повесть Стругацких "Гадкие лебеди". Михайлов, работавший тогда в журнале "Даугава", выпросил экземпляр рукописи у Аркадия Натановича, и в 1987 году эта, как все заверяли, «непубликуемая» и потому ходившая в «самиздате», повесть была напечатана там под названием "Время дождя".

Нет там и о поистине бесценном вкладе Владимира Дмитриевича в становление нового поколения фантастов – он много лет вёл Рижский семинар молодых фантастов, был одним из руководителей Малеевского семинара молодых фантастов. Не случайно нынешние властители дум отвечали ему искренней любовью –

на его смерть тогда откликнулись едва ли не все популярные российские фантасты всех возрастов, от Павла Амнуэля до Вадима Панова.

И дело даже не в том, что Владимир Дмитриевич, несмотря на возраст, до последнего дня оставался абсолютно адекватным человеком, не растерявшим ни ясности ума, ни силы таланта, ни даже определенного авантюризма. Незадолго до смерти, например, Михайлов принял участие в необычном проекте «Убить чужого»/«Спасти чужого», где сначала 13 популярных фантастов писали рассказы о зловредных инопланетянах («Убей чужого»), а затем («Спасти чужого») должны были написать продолжение – но не своего рассказа, а произведения своего коллеги. Написать так, чтобы вывернуть обрисованную предшественником ситуацию наизнанку, и спасти инопланетный разум.

Владимир Дмитриевич справился, по общему мнению, блестяще, отыграв в паре с фантастами, годящимися ему в дети (Василий Головачев) и внуки (Алексей Пехов).

Но дело, разумеется, не в забавах. Сейчас уже сложно объяснить, чем были книги Владимира Михайлова в 70-80-е годы, почему за ними бегали, доставали всеми возможными способами, и бережно переплетали выданные из какого-нибудь «Вокруг света» страницы.

Помню собственное потрясение, когда в начале 80-х я прочел «Сторож брату моему» – роман, который просто не мог, не имел права появиться в середине 70 годов в Советском Союзе. И помню, насколько меня перепыхала эта история полета космического корабля с невообразимым экипажем. Не приключениями, конечно, и не экзотикой – а тем, насколько захватывающе интересно можно рассказывать о невообразимо сложных проблемах. А таких книг у него было не две и не три – "Дверь с другой стороны", «Ручей на Япете», "Стебелек и два листка"...

И поэтому – стыдно признаться, да – но где-то в глубине души я и сегодня верю: когда-нибудь Владимир Дмитриевич Михайлов опять напишет строки, которыми начинался «Сторож»: *«День своих похорон я помню плохо, но день смерти до сих пор стоит перед глазами...»*.

Глава 13. Как мальчик для удовольствий стал королем

Когда Россия двинулась в свой Великий Поход на Юг, на пути ей встретилось множество разных людей, часто – весьма незаурядных. Но даже на их фоне наш сегодняшний герой стоит наособицу.

У этого человека было много имен – эмир Мухаммад Якуб хан, Магомет Якуб бек Бадаулет, Аталык Кашгарский, Аталык Гази Бадаулет – но чаще всего его звали просто Якуб бек.

История знает немало примеров восхождения из грязи в князи, но карьера Якуб-бека все равно впечатляет – начав жизнь "бачей", мальчиком для удовольствий, закончил он ее правителем второго по величине после Османской империи независимого мусульманского государства на планете.

Человеком, ставшим серьезной проблемой для трех крупнейших империй на Земле – Британской, Российской и Поднебесной.

По традиции, пять интересных фактов из его биографии мы и расскажем сегодня.

Факт первый: Якуб родился в маленьком городке Пскенте, что под Ташкентом. Рано оставшись без отца, он оказался на попечении дяди, которого столь же рано начал огорчать.

Надо понимать, что тогдашняя Средняя Азия была более чем толерантна к гомосексуалистам, и в романах между молодыми мальчиками легкого поведения (бачи) и мужчинами никто не видел ничего необычного и странного. Якуб рано начал тусить по чайханам и вскоре его начали называть Якуб-бача.

Обеспокоенный дядя решил выдернуть племянника из плохой компании, отвез его в Ташкент и отдал в ученики к ткачу. Но привыкший к красивой жизни подросток удрал буквально через несколько дней и вернулся в Пскент. Там он завел себе постоянного "папика", потом поменял его на другого, выше рангом...

А потом начались проблемы. Его тогдашнего "благодетеля" – ходжентского бека Мухаммед-Керима Кашку – вызвал к себе кокандский хан Мусульман-Кул, и там, в Коканде, и зарезал. Люди Кашки частью разбрелись, а частью поступили в войско ташкентского бека. В Ташкент с ушел и Якуб – а что делать? Прежнее занятие он перерос (после 16-ти бача уже считался перестарком, и мало кого интересовал) и надо было искать себе новую профессию. Так Якуб из содержанки стал воином.

Факт второй. Дважды Якуб бек едва не стал русским подданным. Недавний бача к удивлению многих оказался прирожденным воином, поэтому быстро и успешно делал военную карьеру. В конце 40-х – начале 50-х Якуб был назначен беком крепости Ак-мечеть, ныне ставшей Кызыл-Ордой, городом, где постоянно что-то происходит. Там он изрядно разбогател: через крепость шел караванный путь из Бухары в Оренбург, что давало большие таможенные сборы, во все века имеющие свойство оседать в карманах начальства. В конце 1851 года успешного коменданта-коммерсанта перевели на повышение в Ташкент, а еще через полгода Ак-мечеть была захвачена войсками генерала Перовского.

Россия начала завоевание Средней Азии.

Второй раз от принятия русского подданства Якуб бек ускользнул, уехав из Ташкента в Кашгар за несколько месяцев до взятия города генералом Черняевым.

Факт третий. Те годы, конечно же, стали шоком для всей Центральной Азии. После нескольких веков тихого недвижимого спокойствия полыхнуло везде. На севере одно ханство за другим падало под натиском пришедших из страны холода и снега "белых рубах". На юге в Афганистан со стороны Индии ворвались рыжие "инглизы" в своих красных мундирах. И только на востоке все было наоборот: в китайской провинции, оптимистично названной "Новая

граница" – Синьцзян – восстали мусульмане, безжалостно вырезая китайских солдат-оккупантов в синих куртках.

Именно туда и уехал Якуб бек, назначенный военным помощником Бурзук-ходжи – представителя старой кашгарской династии ходжей. Дело в том, что Кокандское ханство граничило с Восточным Туркестаном, и именно туда после китайского завоевания бежали все представители свергнутых династий. А теперь их потомки, понятное дело, потянулись обратно.

Именно Якуб бек саблями своих воинов и расчистил Бузрук-ходже путь к кашгарскому трону. Когда тебе расчищают путь чужими саблями – это, безусловно, очень приятно. Однако иногда после этого начинаются неприятности – когда выясняется, что сабли по-прежнему не твои, а на троне зачем-то сидишь ты, и совсем без сабель. Возникает резонный вопрос – а что ты там делаешь?

Бузрук-ходжа оказался человеком понятливым. Вскоре народу Кашгара объявили, что Бузрук-ходжа отправляется в Мекку – совершать еще один хадж. Обрато он, естественно, не вернулся – не такой уж ходжа был дурак. А главой Кашгарского ханства стал чужак Якуб бек.

Который, железной рукой подчинив кашгарцев, и создав из них боеспособную армию, вскоре подвел под свою руку все ханства, образовавшиеся после восстания на территории Синьцзяна и образовал из них государство Йеттишар («Семиградье»). А себя бывший бача переименовал в Баудалета – Счастливого.

Факт четвертый: Единственное государство на освобожденной территории, которое не покорилося Якуб беку – это Кульджинский (он же Таранчинский) султанат. Но исключительно потому, что незадолго до этого султанат покорился линейным батальонам генерала Герасима Колпаковского.

Россия, встревоженная успехами недавнего кокандского военачальника, решила создать в Илийской долине буферную территорию между Российской империей и государством Йеттишар. Территорию, правда, пообещали отдать обратно Китаю. Потом. Как-нибудь. Когда Китай вернет себе Синьцзян.

А пока всех больше заботил Йеттишар. Дело в том, что выскочка Якуб очень угадал с идеологией. Он строил не просто государство, а мусульманское государство – с доминированием ислама и господством шариата. Государство для всех мусульман. На фоне повсеместного и тотального подчинения мусульманских народов "неверными" это была мина, которая могла рвануть так, что мало не показалось бы ни русским в Средней Азии, ни англичанам в Афганистане и Индии. Именно поэтому "к королю" (англичане его по-другому не называли) постоянно ездили то английские, то русские посольства.

Одно из них возглавлял тогда капитан, а позже военный министр Российской империи Алексей Куропаткин, написавший о посещении Йеттишара книгу "Кашгария".

Факт пятый: Все закончилось так, как оно обычно случается с создателями империй. После смерти Якуб бека в 1877 году его наследники передрались между собой, Йеттишар распался на три государства, которые, впрочем, просуществовали считанные месяцы.

Вернувшиеся в Синьцзян китайцы во главе с генералом Цзо Цзунтаном по прозвищу "Палач Цзо" методично зачистили свои "новые рубежи".

Глава 14. Стиляга высокого стиля

Смерть Василия Аксенова не была неожиданной – последние полтора года он находился между жизнью и смертью.

А все равно было ощущение того, что в мироздании внезапно появилась какая-то большая дыра, которую не вдруг залатаешь.

Слишком уж много значил Василий Павлович для нашей литературы: и не как писатель даже, хотя в таланте ему не откажут даже враги, – как живое олицетворение целого периода в истории нашей словесности. Он всегда был сверх меры «слишком» – слишком шестидесятником, слишком либералом, слишком западником и поэтому всегда оказывался впереди. А потому становился знаменем целой генерации отечественных литераторов.

Он появился в нашей литературе как-то сразу: первое же крупное произведение, напечатанная в «Юности», повесть «Коллеги» принесла не успех даже – культ.

Молодой врач становится одним из самых популярных авторов страны. И мало кто знал, кто он и откуда взялся, – обязательная биографическая справка была на редкость лаконичной. Меж тем в этом новом кумире молодежи Страны Советов, как в линзе, сфокусировались судьба «второго поколения советской интеллигенции».

Василий Аксенов родился 20 августа 1932 года в Казани, в семье партийных работников. Отец, Павел Васильевич Аксёнов, был председателем горсовета Казани и членом бюро Татарского обкома партии. Мама, Евгения Семёновна Гинзбург, была известным в республике журналистом, заведующей отделом культуры газеты «Красная Татария». Потом были арест родителей в 1937-м, детский дом для детей заключенных, из которого его, правда, довольно быстро забрал к себе дядя. Детство у родственников, юность в Магадане, куда его забрала освободившаяся мама, переезд в Питер, учеба в Ленинградском медицинском институте, увлечение модным тогда джазом, тусовки с тамошней «золотой молодежью», именуемой в печати «стилягами».

Окончание института, три года работы врачом на карантинной станции Ленинградского морского порта, в больнице Водздравотдела в поселке Вознесение на Онежском озере, в Московском областном туберкулезном диспансере.

На одной из тусовок Аксенов знакомится с писателем Владимиром Померанцевым, показывает ему свои рассказы, и тот, впечатлившись, относит их в «Юность» и показывает возглавлявшему журнал Валентину Катаеву. В итоге в 1958 году в «Юности» появились два рассказа Аксенова – «Факелы и дороги» и «Полторы врачебных единицы». А в 1960-м выходят «Коллеги», и начинается «аксеновский бум».

А еще через год выходит роман «Звездный билет», окончательно канонизировавший культ.

Практически сразу по роману снимается фильм «Мой младший брат», в котором дебютировала целая плеяда выдающихся советских киноактеров – Олег Даль, Олег Ефремов, Александр Збруев, Андрей Миронов и др.

Вскоре экранизировали и «Коллег» с не менее звездным составом – главные роли исполнили молодые Василий Ливанов, Василий Лановой и Олег Анофриев.

Аксенову начинают массово подражать, многие – успешно, и вскоре становится понятно: подобная проза – это не случайный выброс, это новое явление в нашей литературе, которое необходимо как-то формализовать. Критики обозвали ее «молодежной прозой», но куда более живучим оказалось определение, придуманное в статье о «Коллегах» критиком Станиславом Рассадным, – шестидесятники.

Аксенов был не только зачинателем шестидесятничества, в нем действительно сконцентрировалось это явление – со всеми его достоинствами и недостатками. Шестидесятничество не отделимо от романтики, и, пожалуй, не было более романтичного автора, чем ранний Аксенов.

Его проза была квинтэссенцией «оттепели» – с ее надеждами, наивностью, романтикой, чистотой-очищением и убежденностью в скором и неминуемом всеобщем счастье.

Когда оттепель сменилась заморозками, изменилась и проза Аксенова. В 70-е на смену романтическим «Апельсинам из Марокко», «Пора, мой друг, пора», «Жаль, что вас не было с нами», «Затоваренной бочкотаре» пришла литературная поденщина. Киносценарии, детские повести-сказки (дилогия «Мой дедушка – памятник» и «Сундучок, в котором что-то стучит»), замаскированное под «советский шпионский роман» развлекалово с друзьями «Джин Грин неприкасаемый» – чистая халтура вроде написанной в серию «Пламенные революционеры» повести «Любовь к электричеству».

А для себя – для себя Аксенов писал "под эмиграцию", для публикации "там" антисоветские «Ожог» и «Остров Крым».

Потом была эмиграция, десять лет жизни в Штатах, куча романов, написанных там, перестройка, большой скандал в журнале «Крокодил», переезд во Францию...

Не удивительно, что именно на перестройку, когда «шестидесятничество» переживало ренессанс, пришелся второй пик славы Аксенова.

Опубликованный в той же «Юности» «Остров Крым» стал главным всесоюзным бестселлером года, а публикация трилогии «Московская сага» упрочила возвращение Аксенова.

Вот только настоящее возвращение – с середины девяностых Аксенов начал активно жить на два дома, в Москве и Биаррице, – совпало с очередным поворотом в судьбе и шестидесятников, и самого Аксенова. Почему-то вдруг все как-то оказались отдельно – власть от населения, интеллигенция от народа, писатели от читателей.

Аксенов по-прежнему много писал, имел своего читателя, получал всякие литературные награды – премию журнала «Октябрь» за роман «Москва-Ква-Ква», «Русский Букер» в 2004 году за книгу «Вольтерьянцы и вольтерьянки», но как-то все потише стало – ни прежних тиражей, ни прежней славы, ни прежнего ажиотажа.

Когда 15 января 2008 года у писателя случился инсульт за рулем автомашины и врачи полтора года боролись за его жизнь – многие ли обыватели в нашей суетной жизни заметили отсутствие Василия Аксенова?

Когда его сердце остановилось, кто-то вспомнил романтику 60-х «Звездного билета», кто-то – счастливое пионерское детство 70-х с Генной Стратофонтовым, кто-то – надежды перестройки с «Островом Крымом».

Платонов когда-то сказал: «Без меня народ не полон». Аксенову повезло больше – без него история страны не полна.

Глава 15. Группа "Ласковый май" как зеркало СССР

Группа «Ласковый май» оказалась зеркалом.

В ней, как в капле, отразился весь тогдашний мир, раскинувшийся, как знал каждый, на одной шестой земной суши.

Иногда мне хочется, чтобы об этом все-таки сделали фильм. Фильм о трагедии страны, увиденной через трагедию группы, ставшей последней любовью Советского Союза.

Запараллеленная символичность страны и группы иногда просто пугает.

Оренбургский интернат № 2, где началась эта история, как и поздний Советский Союз, сочетал, казалось бы, несочетаемое.

Заботу о людях и полное равнодушие к ним, физическую сытость и отчаянный духовный и эмоциональный голод, веру в светлое будущее и все более скотинящееся настоящее.

Будущий автор всех хитов группы Сергей Кузнецов честно признается, что он, заик-ленный на музыке и попивающий дембель, устроился работать в детдом только потому, что руководство интерната недавно закупило музыкальной аппаратуры на 20 тысяч рублей. Это тогдашних советских рублей! Но зарплата у киномеханика и музыкального руководителя была 80 целковых.

Да, детдомовец Юра Шатунов целыми днями пропадал в прекрасно оборудованных секциях картинга и хоккея, а в постсоветских детских домах не факт, что кормили досыта. Но нравы в советском интернате были куда суровее современных. Достаточно сказать, что переведенная в интернат № 2 бывшая заведующая акбулакским интернатом Валентина Тазикенова взяла с собой несколько старшеклассников – ставить в Оренбурге на место тамошний зарывающийся молодняк. Понятно, какими методами.

Если бы не один из этих «преторианцев», кстати, никакого «Ласкового мая» не было бы.

Один из переведенных, Слава Пономарев, и рассказал за бутылкой Кузнецову, что в Акбулаке есть парнишка Юра с классным голосом. Маявшийся без солиста руководитель ансамбля добился перевода, и воспитанник Шатунов оказался в Оренбурге.

Я не буду подробно пересказывать всю историю группы – она довольна известна. Да, были первые выступления на оренбургских дискотеках, полукустарная запись альбома группы «Ласковый май», продажа его в привокзальный киоск за 30 рублей, разошедшиеся по всей области записи, случайно попавшие в руки Андрея Разина, администратора первой в Союзе хозрасчетной студии популярной музыки «Рекорд» под управлением Юрия Чернавского.

Была поездка Разина в Оренбург, заманчивое предложение о раскрутке, переезд в Москву Кузнецова, фактическое похищение Шатунова (фиктивный перевод в московскую школу-интернат № 24 ему оформили задним числом и не вполне законными методами).

Была запись альбома уже на профессиональной аппаратуре, перетягивание в Москву, по настоянию Кузнецова, других оренбургских пацанов из группы. И сразу – с корабля на бал, с поезда на сцену. Первое приглашение на гастроли пришло из Алма-Аты, и там 20 сентября 1988 года начался звездный путь «Ласкового мая».

Взлетели на Олимп тоже без помех – практически вертикально.

Казалось бы – вот она, вечная как мир история Золушки, есть ли что-нибудь оптимистичнее и радостнее? А я вспоминаю интервью выросших участников «Ласкового мая», данные в период забвения группы – они тогда много порассказали...

Я не буду повторять всю эту грязь, но поверьте – после прочтения не возникает вопросов, откуда взялись все эти многочисленные свары, бесконечные скандальные уходы, суды, предательства недавних друзей и тоскливая злоба бывших коллег. И это я еще не говорю о самых мерзких вещах, вроде педофилии, тем более что здесь все, как вы понимаете, большей частью на уровне слухов.

И никак не выскочит из головы грубоватая фраза – поманили красивой жизнью и поймали.

Это не про участников «Ласкового мая». Это про нас всех, живших в то время великих надежд и невиданных карьер, время видеосалонов, китайских пуховиков, кооперативов, «Ламбады», программы «Взгляд», рэкетиров, рассекреченных писателей в толстых журналах и растерянных милиционеров с пустой кобурой.

Чем мы, по большому счету, все – от академика до дворника – отличались тогда от этих наивных детдомовских пацанов? Нам тоже обрыдло жить в серой скучной сытости, мы тоже хотели чего-то яркого и светлого.

Мы все кричали «так жить нельзя», мы все были убеждены – будущее светло и прекрасно, стоит лишь отряхнуть прах с наших ног. Пусть сейчас плохо, пусть нет законов, и бесы пляшут уже не таясь – дальше обязательно все будет хорошо, надо лишь потерпеть. Это не «Ласковый май» пел, это время манило нас блесками курточки Юры Шатунова.

Время, время... И мы в этом времени – наивные и алчные, растерянные и безжалостные, сентиментальные и предельно прагматичные, верящие в себя и не верившие никому.

Осознание смысла поговорки «на чужом пиру похмелье» пришло позже.

Время горевших глаз закончилось, наступило время, когда глаза у людей были либо собачьи, просительные, либо рыбы, безразличные.

Время «Ласкового мая» истекло.

Сергей Серков рассказывал: *«После развала «Мая» меня накрыл жуткий депрессняк, как, собственно, и всех ребят. Мы с клавишником Сашкой Прико страшно бухали. Одно время подрабатывали в гостинице «Славянская» грузчиками. Потом я торговал часами. На выпивку хватало. Период запоя растянулся на шесть лет».*

Разин и Кузнецов тогда привезли из Оренбурга шестерых пацанов: барабанщик Сергей Серков, клавишник Александр Прико, Игорь Игошин, Миша Сухомлинов, Юра Шатунов, Костя Пахомов.

Сергей Серков про себя рассказал выше. Саша Прико устроился в фирму по торговле недвижимостью, потом торговал в ларьке наВДНХ, женился на бывшей фанатке группы, уехал на ее родину в Нижний Тагил. По словам Кузнецова, продолжает пить: *«Честно говоря, мне его жалко. Я сам алкоголик. Я это полностью признаю. Но жить в постоянном запое три года – это уже слишком».*

Басист Игорь Игошин ушел в армию, вернувшись, узнал, что девушка, обещавшая ждать, собралась замуж, на свадьбе подрался с друзьями жениха, вернулся домой и бросился с четвертого этажа. Тело обнаружили 29 февраля 1992 года на козырьке дома. Еще один «клавишник», Миша Сухомлинов, на клавишах играть так и не научился, но зато проявил недюжинный талант в бизнесе. Он, в отличие от других, очень удачно распорядился заработанными на концертах деньгами, преуспевал, в 18 лет купил «Кадиллак»...

Его застрелили 29 сентября 1993 года прямо у подъезда Шатунова на Кантемировской улице, похоронен на Домодедовском кладбище.

Про Юру Шатунова все известно, но даже он, неожиданно разоткровенничавшись, как-то признался: *«Если все время ностальгировать, можно с ума сойти, я это понял по себе. Я вспоминаю то время редко и, честно говоря, с большой неохотой. Название «Ласковый май» несет в себе целый груз дерьма».*

Пожалуй, разумнее всех поступил второй солист первого состава группы **Костя Пахомов**.

Он, в отличие от других, вырос не в интернате, а в благополучной семье и со школьных лет отличался разумностью и целеустремленностью. Похоже, едва ли не единственному, ему бешеный успех не «сорвал крышу». После ухода из группы Пахомов снялся в главной роли в фильме Виталия Макарова «Влюблённый манекен», в начале 1992 года записал свой второй альбом «Мне хочется надеяться». Понял, что на эстраде успех повторить не удастся, и в конце 1992 года ушел со сцены, перестал появляться на тусовках и давать интервью. Исчез. По слухам, ныне счастливо живет обычной жизнью, начисто вычеркнув «Ласковый май» из памяти и биографии. Найти его не удастся ни поклонникам, ни журналистам.

Хотя все равно вспоминает, наверное. Как их забудешь, эти несколько ярких лет?

Мы, как выяснилось, не забыли тоже, хоть и больше четверти века прошло. Похмелье выветрилось, чувство гадливости поутихло, реакция отторжения прошла.

Мы вспомнили это время. Потому что, несмотря ни на что, эти несколько лет были очень яркими.

А это, как выяснилось, так редко бывает...

Шатунов опять собирает многотысячные залы, и все эти тысячи людей среднего возраста умиленно поют: «*Белые розы, белые розы...*».

Не песням умиляемся – прошлому своему. Которое лучше всего описывается в песне про другие белые цветы:

«Боже, какими мы были наивными, как же мы молоды были тогда...».

Глава 16. О крысах и тиграх или Обезумевшая школота

Есть одно известное высказывание Председателя Мао:

"Десять тысяч бешеных крыс хуже, чем один бешеный тигр".

Это было сказано о них.

О хунвейбинах.

Но этой фразой закончилась история хунвейбинов, а началась она с другой фразы, сказанной Великим Кормчим в 1966 году.

Это была фраза **"Огонь по штабам!"**.

Формально Мао Цзедун говорил о том, что завоевания Революции оказались под угрозой из-за плохих чиновников, севших в удобные кресла и утопивших Свободу и Равенство в бюрократизме и коррупции.

По сути же это была обычная для любой революции внутривластная борьба – Мао необходимо было всячески усилить собственную группировку и ослабить (а лучше – уничтожить) все другие группировки, претендовавшие на власть.

Необычным было только одно – инструмент для уничтожения.

Враги должны были быть уничтожены руками молодежи. Если точнее – подростков, называвших себя "хунвейбины".

То есть – "красные охранники". Их поддерживали отряды молодых рабочих "цзаофаней", то есть – "бунтарей".

Первые хунвейбины появились в конце мая 1966 года. Это были двенадцати-тринадцатилетние ученики средних школ, носившие на рукавах хлопчатобумажные красные повязки с желтыми иероглифами «Хун Вей Бин».

Начался страшный "Праздник Непослушания". Объявленные "охранниками Революции" школьники и студенты получили право наводить революционный порядок любыми методами. Вы можете сами догадаться, как повела себя накрученная кукловодами "школота".

Начали они, как нетрудно догадаться, с собственных учителей и преподавателей, которым брили головы, надевали позорные колпаки, заливали чернилами "собачьи головы" и водили в таком виде связанными по городу, периодически жестоко избивая "контрреволюционные элементы".

Банды хунвейбинов и цзаофаней возникли во всех населенных пунктах и росли как на дрожжах – какой подросток откажется почувствовать себя всемогущим? Особенно мощный поток в банды пошел после 26 июля 1966 года, когда на шесть месяцев (а реально – на несколько лет) были закрыты все школы и университеты страны. Все равно ведь учиться было уже не у кого – уцелевшие учителя и доценты разбежались.

Очень быстро распоясавшаяся школота от избиений перешла к убийствам, а с "училок" переключилась на чиновников, в том числе самого высокого ранга.

И сделать с ними было ничего нельзя – в решении ЦК КПК от 1 августа 1966 года "о большой пролетарской культурной революции" прямым текстом было сказано: *«Верьте массам, рассчитывайте на них и уважайте их инициативность... Не бойтесь беспорядков... Пусть массы самоорганизуются... Не принимайте никаких мер против университетских студентов, учеников средних и начальных школ...»*

И при этом – ощущение полной безнаказанности, ведь индульгенция им выписана на самом высоком уровне. Министр общественной безопасности Се Фучжи так и сказал на выступлении перед руководством милиции: *«Стоит ли арестовывать хунвейбинов за то, что они убивают? Я думаю так: убил так убил, не наше дело... Мне не нравится, когда люди убивают, но если народные массы так ненавидят кого-то, что их гнев нельзя сдержать, мы не*

будем им мешать... Народная милиция должна быть на стороне хунвейбинов, объединиться с ними, сочувствовать им, информировать их...».

Пользуясь полной вседозволенностью, "молодые бунтари" начали смещать руководство городов. Так в 1967 году в Шанхае цзаофани захватили и распустили горком, образовав так называемую "шанхайскую коммуну". И этот «передовой опыт» горячо приветствовал сам Мао Цзэдуном.

Страна медленно, но верно сваливалась в анархию, оказавшись во власти молодежных банд. Которые – и этого следовало ожидать – уже начали выяснять отношения между собой. Власти же или разбежались, или, напротив – "возглавили протест народных масс" и под шумок делили сферы влияния, натравливая одних молодых дураков на других.

Казалась, в стране уже началась "война всех против всех" и Китай в очередной раз свалится в многолетнюю анархию.

Но тут случился "Уханьский инцидент". В Ухане, еще одном крупном городе с многомиллионным населением, анархия дошла до предела и загнанные в угол обыватели начали вооружаться всем, чем можно, и создавать отряды самообороны. Не выдержав, начальник Уханьского военного округа Чэнь Цзайдао ввел в город подчиненные ему армейские соединения и жестко "зачистил" всех – и партийное руководство города, и хунвейбинов, и дзаофаней. На угрозы из Пекина не реагировал, самолет со срочно вылетевшим в Ухань главой Госсовета КНР Чжоу Эньлаем принимать отказался, угрожая задействовать танки. Сдался только после того, как на Ухань начали наступление несколько дивизий из соседних регионов. Впрочем, еще при жизни Мао был реабилитирован и введен в состав ЦК КПК.

После этого Мао понял, что с вышедшими из-под контроля хунвейбинами надо что-то решать. К тому же "мавр" уже сделал свое дело – политическое поле было не просто зачищено, а выжжено на пару метров в глубину. Хунвейбины были публично осуждены и объявлены «некомпетентными» и «политически незрелыми».

Многие сдались сами. Банды школоты, отказавшейся сдаваться, выбивали из городов части Народно-освободительной армии Китая, иногда – с применением артиллерии. К 1969 году хунвейбинов зачистили полностью. Главарей обычно расстреливали. На фото ниже – расстрел вожак хунвейбинских банд в одном из уездов Китая.

А рядовых "красных охранников" отправляли на перевоспитание в деревню. Осенью 1967 г. кидать навоз уехали порядка миллиона "красных стражей", в 1970 году в отдаленные районы Китая поднимать сельское хозяйство были сосланы уже 5,4 миллиона. Большинство вернулось только через десять лет.

Прошли годы. Уцелевшие хунвейбины выросли, состарились и ныне вспоминают свою буйную молодость так же, как всегда вспоминается любая молодость – с грустью и нежностью. Как, например, в серии картин о "валькириях Революции" художника Лю Вэньчана.

Глава 17. Как хоронили Вячеслава Тихонова

Работая корреспондентом, потом обозревателем, потом начальником отдела культуры "Газеты.ру" я проводил в последний путь немало актеров, но почему-то похороны Вячеслава Тихонова запомнил особенно четко.

Обычно пишут: «Москва прощается с...» Неправильно пишут. Тогда, в 2009 году, совершенно точно, с актером Вячеславом Тихоновым прощалась вся страна.

По дороге в Дом кино, где состоится панихида, останавливаюсь на «Белорусской» – купить цветы. Продавец-азербайджанец, протягивая розы, неожиданно говорит с сильным акцентом: «Земля ему пухом». На мой недоуменный взгляд поясняет: «Тихонову. Какой артист был, э-э-э!» Замолкает, машет рукой.

По Второй Брестской потоком идут люди с цветами. Движение перекрыто. Очередь на прощание поворачивает за угол на Васильевскую и теряется где-то вдаль. В фойе – фотография Вячеслава Васильевича в обрамлении телеграмм с соболезнованиями. Медведев, Путин, Лукашенко, Тимошенко, Ющенко, их коллеги из Казахстана, Татарстана, главы творческих объединений, члены правительств.

Президенты, главы государств – а когда-то мальчишки и девчонки, бегавшие в кино на «ЧП», «Войну и мир», «Белого Бима», «Они сражались за Родину» и припадавшие к телевизорам, когда шли «Семнадцать мгновений весны» или «ТАСС уполномочен заявить».

Церемония прощания еще не началась, но у гроба на сцене в Большом зале Дома кино уже гора из цветов.

Проститься подходят режиссеры Николай Губенко, Сергей Соловьев, актриса Римма Маркова, телеведущий Владимир Молчанов... Вспоминаю, что именно его отец написал великолепную песню про журавля в «Доживем до понедельника». Господи, сколько же в моей жизни было Тихонова...

Началось прощание, люди идут бесконечной цепью – старики, мальчишки, мужчины, женщины в дорогих шубах и послуживших куртках на синтепоне. Кто-то несет охапку бордовых роз, кто-то – две белых гвоздички. Из колонок музыка Таривердиева – а что еще может звучать в этот день? *«Я прошу, хоть ненадолго, грусть моя, ты покинь меня...»* На большой фотографии – Вячеслав Васильевич во времена своего расцвета, где-то из конца семидесятых. Строгий костюм, едва угадывающая улыбка и глаза невозможной глубины. Наверное, никто в нашем кино не мог так смотреть.

Просто молчать и смотреть.

Простят всех рассаживаться, пора начинать панихиду. Большой зал Дома кино – битком, люди стоят в проходах. Первым говорит министр культуры Александр Авдеев – все правильно говорит, видно, что не по должности, а по душе. И про *«выдающегося русского актера»*, и *«олицетворение эпохи нашей жизни»*, *«своим талантом задевавшего каждого из нас»*. *«Это был светлый человек, и у нас он ассоциируется с лучшими качествами, которые свойственны национальному характеру, от нас ушел один из последних рыцарей советского кино. Подобных ему по мастерству, по душевной чистоте не будет»*.

Вообще, все говорят очень к месту. Практически нет дежурных слов, казенных речей, даже Жириновский неожиданно тих и непафосен. Да и, честно говоря, напыщенные славословия смотрелись бы страшным диссонансом настроению зала.

Со сцены говорят о сыне механика с ткацкой фабрики и детсадовской воспитательницы, ставшем любимцем сотен миллионов людей.

О том, что путь его к славе, в отличие от сокурсников, вместе с ним дебютировавших в «Молодой гвардии», был непрост и долог. Многие из них после фильма проснулись звездами, а ему пришлось доказывать свой талант и глубину почти десять лет. Эльдар Рязанов, учившийся на параллельном курсе, вспоминает, что Тихонов *«был самым красивым на курсе и невольно вызывал подозрение: не за красоту ли его взяли. У него было позднее актерское развитие. Но постепенно он набирал силу, и дальше посыпалась россыпь прекрасных ролей»*. А мне вспоминается его Николай Стрельцов из «Они сражались за Родину» – очень некрасивый, вернувшийся на передовую глухим и контуженным.

Говорят о пареньке из рабочего Павловского Посада с наколкой «СЛАВА» между большим и указательным пальцем, вдруг оказавшимся самым органичным и ненаигранным аристократом и интеллигентом нашего кино.

А я вспоминаю его анархистов и трактористов, и думаю, что если бы актерский диапазон измерялся, как у певцов, то Тихонову не хватило бы никаких октав. Кто-то напоминает о том, что талант актера определяется не монологами, а умением держать паузу, и больше уже ничего говорить не надо – есть ли в стране хоть один человек, у которого бы не першило в горле во время безмолвной сцены встречи Штирлица с женой?

Несколько раз говорят о том, что Тихонов очень точно прожил жизнь.

Дело даже не в круглых датах – ровно 60 лет между съемками в первом и последнем фильме, а в том, что всю свою долгую жизнь актер Тихонов прожил очень достойно. Несуточно, правильно – не вступал ни в какие партии, не толкался, не лез в телевизор, никого никуда не звал и не клеймил.

Служенье муз не терпит известно чего, а он им служил всегда.

Объяснял нам, что счастье – это когда понимают, и сколько бы ты ни сказал, помнить тебя будут по последней фразе. Служил в высшем смысле этого слова – напоминал нам всем, суетным и торопливым, что есть вещи выше сиюминутного. Что в жизни должна быть глубина, искусство может быть вечно, а о добре и зле можно и должно говорить всерьез.

Неслучайно именно Тихонов-Шарлемань в захаровском "Убить дракона" еще тогда, в 1988 году, предупредил нас, надевая шапочку: «Зима будет долгой».

Швыдкой очень правильно говорит о том, что сегодня мы не просто провожаем великого русского актера – сегодня мы все прощаемся с частью себя. Потому что Тихонов был в жизни каждого из нас – больше, меньше, но у всех.

Со сцены звучит украинская мова от посланцев Киева, туркменский режиссер рассказывает об ашхабадской девчонке, собиравшейся есть побольше тыквы, чтобы быстрее вырасти и выйти замуж за «Штирлица». Потом говорит о том, что «великий русский актер» – это, конечно, правильно, но *«он был не только для русских, он был для всех»*.

Он был действительно для всех, и это, пожалуй, главная причина, почему в тот день так щемило.

Потому что есть светлые люди, масштаб дарования которых велик настолько, что от них тепло каждому – коммунисту и либералу, азербайджанцу и еврею, патриоту и эмигранту.

Они пусть на секунду, но собирают нас всех вместе, напоминают – мы с тобой одной крови, ты и я.

Таких, к сожалению, немного. И с каждым годом – все меньше.

Самую короткую и неожиданно точную речь сказал актер Алексей Панин: *«Я не буду много говорить – здесь есть люди, лично знавшие Вячеслава Васильевича, и им говорить уместнее. Я хотел бы только сказать, что вот они уходят, а новых таких почему-то не приходит. Они были большие и глубокие, а мы все какие-то мелкие»*.

Да.

Вот и все. Смежили очи гении.

И когда померкли небеса,

Словно в опустевшем помещении

Стали слышны наши голоса...

Спасибо вам, Вячеслав Васильевич. Спасибо, что на вас можно смотреть вверх.

Глава 18. Почему из Охлобыстина не получился священник

Поспорили недавно с одним товарищем относительно Охлобыстина и его "временного отчисления из священников", которому скоро десять лет.

Долго пытался объяснить, почему, на мой взгляд, нельзя одновременно быть актером и священником. Сегодня понял, что все можно было объяснить гораздо проще – на примере.

В середине семидесятых очень ярко стартовал молодой артист Леонид Каюров. Парень из актерской семьи, его отец – известный актер Юрий Каюров, главный исполнитель роли Ленина во времена позднего застроя.

Сын учился во ВГИКе, в классе Бориса «Чапаева» Бабочкина, после его смерти – у Баталова. Дебютировал в фильме «Несовершеннолетние» – была такая социальная драма про трудных подростков (по сценарию еще не уехавшего за бугор Эдуарда Тополя, между прочим). Это сейчас она забыта, а тогда, в 1977-м, собрала 44,6 млн. зрителей – самый кассовый фильм года. В общем, парень проснулся звездой.

Но карьера прервалась на два года – служил в армии. Потом довольно много снимался в кино – играл, в частности, в «Маленьких трагедиях» у Швейцера, в сериале «Следствие ведут знатоки» и знаменитых телеспектаклях «Этот фантастический мир». В театре много работал – сначала в Ленком, потом перешел во МХАТ. Но из театральных работ остался разве что его очень неординарный Тибальд – из эфросовского спектакля «Ромео и Джульетта», слава богу, сделали телеверсию.

В общем, хороший актер был, талантливый, все на этом сходятся. Но в 1983 году Леонид Юрьевич крестился, в 1986-м сыграл в своем последнем фильме, затем окончил Духовную Академию в Сергиевом Посаде, был рукоположен в диакона, и ныне служит в Храме Архистратига Божьего Михаила при Клиниках на Девичьем поле.

Много лет после этого никто и ничего о нем не слышал, кроме прихожан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.